

КРИЗОЗОН



ПРИЗВАНИЕ —
СЛУЖБА
ОТЕЧЕСТВУ

Александр Рудкой: «Верю в Россию»
Каскадер В. Балаш. Работа без ошибок

Эмилий Гердт в свете лампы
Знакомьтесь: Лина Мирчян

Незабываемые песни Марка Безмеса
Авторская песня. Юрий Лаврушин



СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Сюрпризы Марины Цхай
Встречи на конкурсе «Интершанс»

Эис Фрилли в новом ракурсе
Ванесса Паради — восходящая звезда

Театр Евгения Петросяна
Группа «Смоки» в Москве



АЛЕКСЕЙ ПАРЩИКОВ

Восьмидесяти годы открыли любителям поэзии ставшую знаменитой троицу — Жданов, Парщикова, Еременко. Их имена стоят рядом, но каждый из них выбрал в поэзии собственный путь. И самой обильной дорогой пошел, пожалуй, Алексей Парщикова, взяв в качестве посылки усложненную метафору.

Традиционная русская поэзия опирается на обычные слова, специально лишенные поэтического ореола, не нуждающиеся в расшифровке. Парщикова же стремится насытить традиционное слово запасом ассоциаций, смыслослов, не всегда вытекающих из его прямого значения. Вещи, явления, предметы соединяются в его стихах своеобразным видением — прежде бы визуальными до жеманности ослепленности и одновременно отодвинутыми в культурно-историческую ретроспективу.

«Мир делится на человека, а умножается на все остальное» — эта фраза из поэмы Парщикова «Новогодние строчки» — ключ к пониманию его творчества. «Все остальное» — это любая вещь, которая находится рядом с нами. И эта любая вещь — сама по себе целая Вселенная, которая мертва и закинута до тех пор, пока на нее не упал взгляд человека.

Александр ЛАВРИН

фото Л. ШИМАНОВИЧА

ЭЛЕГИИ

О, как чистоворси под утро
гранитной карьер,
и тот час, когда и вдоль реки
совершенно прокулаки,
когда после ирраци почтас
вылезают наверх
из грудного оуота жаб растопые
шпатульки.

И предельно брызжет прекрестных
милиты битыми
их нечеловечные, перинные,
скинские шкурки.
Какже медведи дробжили
под их языкком?
Наверное, к ним да советом
хотили акуры.

Их много зеркальных плывут
трескучий разлом,
и плерной кажется исплеска
цветная корова,
то любит, когда колосится вода
за веслом
и сохнет кустарник в шпаломе
дланные литама.

В девичестве — везет,
в замужестве — ходит с широй,
идругт вкисеть сралится,
и снова улизнется шпорок.
А то, как у Делты,
во льду заммерзает зимой,
а то, как у Чехова,
ночь проведут в разговорах.

ШАХМАТИСТЫ

Два шахматных короля
делат поля для
выпрыгата,
таджеты для...

Все болуют за короля нефтяного,
а я — за ледяного.

О, галек пушечных по воде
использующие саврели!
Так и следуют за горы их —
года пролетели.

Что ожидать от короля
нефтяного?

Кудьбитов,
упорства и стова
паидига, ну,
как от Леонидо,
победы в конце копюк.
Кому это надо?

Ледяной не спешит
и не вырвет соло,—
с ним все Пяфгорово пюкюла.

женщина в самоцветах,
словно Урал,
им посажены в явл,

он ловит пушечный сво флавод
и делает ход, припюкмя явл

тащителюте абсолютна. Блеск
погтей. Ромировка. Мозг.

У противника нури стюкты
к животу,
он подобен складному жюкту,

а мой избраники — радиомюкты,
глубина мира — его длюкя.

Противнику иерекрочивают
молекуларные нити.
Ледяной король,
кто в твоей святе?

За ним — 32 фигуры,
ЭММ, судья и все аббервинтуры,
ярзны, стады, ивчешная зюкля,
и один болует за этого короля.

У него есть все —
в этом он бесшюкдобен.
На что ж он еще способен?

Шах! — белая шахта,
в которую ты летишь.
На черную клетку плещается
летучая мышь.

ИЗ ПОЭМЫ «НОВОГОДНИЕ СТРОЧКИ»

Если ты носишь начало времени
в ушках,
поминиш прирученные звезды,
как вопили они в воды нотона,
а выжили:

она и гниетли азбуку в бурдоуме
от Аггва до Яггюкка;

лошадь, словно во льду
обожженная,
стройней человека,
авсюгол движения;

корова, сойдя с околотеменной
орбиты,
а мыслими — еще там;

осел — впереди голова,
а дальнее — спино на юкжках,
используй! —

свинья ступила на сушу
и предляла устойчивости
пюкрякка;

коза — золотые зрячки,
а сама ведрюклякка;

гюкля, приближались в профиле,
к прозеи лезания брегеты,
и страшно, и где она,
медомюккста?

дельфин — делька мира —
держался еще и отдаленно
до созданыя железного флоты;

кошка — живое стекло,
завинчюкное Адам,
выступают мышцы еще в темных,
то в светлых местах;

а собака?
а верблюд?
а курица? —
все святыя!

■
О сад моих друзей, где и торчу
с трешютой
и для отвода глаз свинду
по сторонам,
посеребрим книжка крутой
кренческой водной,
до дварствует цутре,
мирнующие ама!

Весь наш мир не можюккма,
по кратвы
рискнухойтой зюкля,
чей трешюкчюкный ум,
чья длюкя хитретья потребует
обратно
бездюккляне и пюкч,
бездюккляне и пюкч.

О и никогда не сетовал на судьбу, хотя она то и дело подбирала ему нечто тайное, от чего в пору было затаить с ух. А сие стоически принимал и сорвался, и ударил кулаком по столу.

Жизнь Александра Владимировича Ручкова словно в калле водою отражалась старую, как мир, истину о том, что много дано, с того много и спросится... А открывало ему природою полнейшей всего, чем славились человек — и мужество, и величие характера, и силы воли, и смекалки, и таланта.

Мало кто знает, что вице-президент России Александр Ручков — не только герой Афганской войны, но только прекрасный братер, отличный организатор, талантливый бизнесмен и умный и задатый кинотеатр, театральный человек, а еще прекрасный режиссер по дереву, ювелирщик, живописец и скульптор. Если вам доведется побывать в Монино, а Военно-воздушной академии, обратите внимание на мозаичную картину мозаичные панно «Помните-ли космоса... Автор его — Ручков.

Во время Афганской кампании он, молодой офицер, назначается заместителем командующего БСВ 40-й армии. Он не отсиживался на КП, а личным примером привнес в подразделения тактику отагаи и военного драгга — садился за штурвал самолета и, вызывая огонь на себя, помогал корректировщикам засекать зенитные батареи противника. В один из таких вылетов его сажает, пораженный «Сторожем», взорвался в подвале. Ручков в последний секунду сумел катапультироваться, но переломи лозоником, казалось, навсегда лишился Александра Ручкова возможности летать. Врачи собрали его, как говорится, «по кусочкам» и подарили ему жизнь даже мысль о полете. Но этот упрямый курский парень выслушав советы врачей, а сам качал и качал гантели, мыслима оказывалась снова со снами, там, в небе Афганистана, куда, к изумлению многих, вернулся опять. Ручков считает, что ему предопределена такая судьба — всегда вызывать огонь на себя...

А сколько было осуждений, непонимания, когда он решил баллотироваться в народные депутаты РСФСР! Ну что, мол, человеку надо: ведь уже окончил вторую Академию — Генерального штаба, предлагает генеральскую должность. Начальник Центра боевой подготовки Военно-космического Союза (да это высшее звание в наше дни дает только за выдержавшая боевые заслуги), дом — полная чаша, красавица жена, двое сыновей уже в самостоятельную жизнь выскочили... Что человеку надо?

Такому человеку, как Александр Владимирович Ручков, надо очень много. Он не склонен к красивым фразам о любви к Родине, о патриотизме, но, когда говорит о России, тогда дрожат то от боли и горяча, то от нежности и гордости. Вот уже последние — ты и страна, ты и община, ты и группа, ты и бесклассная, маушка Ручка». И, чтобы снова закрыться заржавевшей было колесо истории российской и песнито в курские направления, он готов было всякой мужской мочи. До кровавых жил на губы текут этот воз, полугол достает себя. Вот почему он возглавляет в Российском парламенте и Консульт по делам инвалидов, ветеранов войны

И СНОВА ОГОНЬ НА СЕБЯ

ИПШЕВА & ВОЗДУХЕТУ

Вице-президент России Александр Ручков и в 1987 «В стране должно быть, наконец, демократия и порядок. И на полянках их находят, а заповни, Слушайте партия звонитую доктору.

Фото Алексея Лидова

труда, социальной защите военнослужащих и членов их семей и одновременно являлся за армилогическое дело государственного масштаба — разработкой с единовременным массовым организационно-программным неограниченных перспектив дал и стал председателем «Фонда возрождения России». И опять вызвал огонь на себя. Что этот Ручков во все дни идет? Что он поинтересу экономикой? Поинтересу? И еще как!

С зарубежными бизнесменами говорит на равных, поражал их компетентностью, знанием конъюнктуры рынка и биржи, прекрасной осведомленностью во всех экономических течениях Запада — от Кейнса до Леонтьева. Он убежден, что Россия надо возрождать не только экономически, но прежде всего духовно. Поэтому так озабочен изданием первого учебника истории Государства России, поэтому являлся за строительство первой в стране гимназии будущего моделиров и бизнесменов, будучи принимать будут не по блату и протекции, а по способности и в основном многодетных детских домов и интернатов. Поэтому рвет себя сердце, ночами читал письма ветеранов Великой Отечественной и недавней Афганской войны, вглядывается в пригласенные журналистами интервью философия включенных «драмам» и юбилейных в наше мирное время мальчишеско-новобрачие.

И так-то для сна у Ручкова в сутки набегает всего три-четыре часа, а после этих писем и гудениями друг друга фотографий и после мажоранских слез и отчаянных просьб о честном расследовании у него вечер переходит в утро и он хватает до рассвета газки сигарет, чтобы решить, как потом, или где достать деньги, валюту для каждого конкретного человека. Как заключать в Италии протезы для безногого инвалида Отечественной войны, на груди которого шесть орденов, а в сердце — невозможная обманка на Рудинку-мать, которой он отдавал все, зачищая, заставляя собственному горю, а потом оказался злым, попутным на грозил судьбы, будто и не мать она ему, Родина, а нахач? Как гонять каждому на тех тридцати пяти тысяч, письма которых заложены в компьютер, и кажется, что его электронные сигналы криком кричат о людских трагедиях?

Чье сердце не дрогнет, прочитав об истории парня, упрямившего в Афганистане здоровье и силы, а вернувшись остался некончанным инвалидом,

полностью парализованным и, как определили в рабосебе, ни на какую работу неспособным... Так его грамотную райсобе, а парню всего двадцать два года и все жилось в райсобе, в молодости совместно и надежды, и мечтал. И вот гореве придумал, а друзья инструменти ему в качестве рабочего инструмента «ключ», который кренится обучен на голове, и так же способен парализовать любую литературную способность и собирающийся стать журналистом, может отстучать статью на пишущей машинке... Но что это за журналистская работа, если человек не имеет и таланта, и способности писать собственными коннаты и рамки его мира ограничиваются всего лишь экраном телевизора? Вот и пишет он Ручкову о своей мечте — об инвалидной коляске, которую можно было бы использовать в диске на палачиного, особенно только и сохранила относительно подвижности. Александр Владимирович, несмотря на страшную занятость, несмотря на пять своих общественных должностей, а также эту службу контроля, пока всеми правдами и неправдами не добился для парня этой импортной чудо-коляски...

Он страшно не любит так часто употребляемые раньше в народе термины «народные массы». Для него народ — это совокупность личностей. Он пристально вглядывается в судьбу каждого человека, с кем сталкивает его жизнь, и никогда не позволяет послышаться в своем сердце равнодушию. Ну не может он быть безразличным, безучастным, не может не вмешиваться, если знает, что дело стоит плохо!

Пожалуй, самый большой огонь, он выжигал на себя, когда поревовавал выступить с инициативой объединиться честным людям под флагом движения «Коммунисты за демократию». В нем его тогда только не обвиняли! И раскольником называли, и паразитичным, и предателем коммунистических идеалов. А его действиями как в жизни, так и в политике всегда руководил всего лишь здравый смысл, которого нам всем порой не хватает. И тогда, в этот период его творческое понимание увидели тот «свет в конце тоннеля», который мог бы помочь всем нам выйти из туннеля, в который зашла и партия, и общество...

Однако ситуация в стране развилась так стремительно, что отовья вынуждал Ручков на самый передний край событий.

Судьба словно вновь решила испытать его на прочность: во время государственного переворота, в трагический и трагически исторический день, он снова вызывал огонь на себя — и когда организовывал оборону «Белого дома», и когда призвал абганцев встать в ряды защитников России и тогда, рискуя жизнью, проводил операцию «Ферос» по освобождению и вывозу Президента СССР из Крыма.

Надо обладать недрожимой силой духа, чтобы в этот трудный для России час всего сердца в сборок и неопытным лет каять на себя тяжкое бремя ответственности за судьбу государства. Так пусть для него эти первые шаги станут не мачехол пути на Голгофу, а к краям, или которому — Возрождение России.

Любовь ТЕРЕХОВА



Очерком о Г. В. Плеханове редакция «Кругозора» открывает рубрику «Вспоминания в лицах». Слишком долго история социалистического учения и портреты тех, кто воплощал его на практике, выключались у нас контрастные черно-белыми наэкан, когда одних («наших») несправедливо арестовывали, тогда как других («не наших») не гнали, даже давали право. История «наших» — это не только борьба и драма идей, но и столкновение умов, воли и характеров, побуды углей и порождения здравого смысла, прозрения одиночек и заблуждения миллионов масс. Такую историю, но с ней же прозрачностью и многогранностью, со всеми отголосками и последствиями, еще предстоит воссоздать в публикации длинных портретов деятелей социалистического движения, которых мы считаем «нашими», которых мы не только знали, но и любили, но не только триумфы, но и трагедии, где хотели участвовать в реализации жизни, погнорков-ной истории.

Редакция понимает, что вернуть доверие и интерес молодежи к исторической науке, литературе, публицистике возможно, лишь отбросив идеологические стереотипы и мифы, став на почву правды, только правды, какой бы неожиданной она не оказалась.

Воспоминания правды после того, как десятилетиями нас пичкали григорной ложью, не будут легкими, но они необходимы, если мы хотим продлить туники общественного сознания и научиться самостоятельно выбирать пути к прогрессу.

«Беспорядочную раздражительность самозабвенно» отменяли у Плеханова еще, кто его знал.

В отношениях между Лениным и Плехановым заимелась перестановка. В дальнейшей теоретической и политической деятельности они отныне то сходились, то резко противостали друг другу. В исторической публицистике сегодня Ленина, как правило, не желают называть перестановкой. «Историческим» диктаторством, затеуываям одновременно то, что и Плеханову при всей грамоте его оценок Ленина и большевиков были свойственны те же качества (может, они вообще характерны для вождей, политическим лидером?».

В конечном счете вопрос об вождии «Искры» и журнала «Заря» был решен при общем согласии, и Плеханов стал одним из самых активных их сотрудников и авторов. Но вскоре при разработке первой партийной программы вынырнули уже серьезные разногласия между зарянскими и российскими лидерам по ряду принципиальных вопросов теоретического характера.

Принципиальный вариант программы писал Плеханов, и проект пришлось основательно дорабатывать после резкой критики Ленина. Вынесенный на обсуждение в съезде РСДРП, их совместный вариант был еще результатом компромисса, однако Плеханов остался убежден, что открывающая программу ленинская характеристика русского капитализма завышает степень его развития (в ходе революции 1905—1907 годов это привело к сав Ленин). По-прежнему Ленин и автор «Зари» считали диктатуру пролетариата. Плеханов, никогда не отклонившись от Марксовой схемы, по которой пролетариат, социалистическая революция могла осуществиться только в стране, достигшей высокого уровня капиталистического развития (пролетариат в ней должен был составлять большую часть населения), считал, что это будет диктатура большинства над эксплуататорскими меньшинством. Ленин же не считал обязательной строгость этой «догмы», и позднее, в октябре 1917 года, диктатура пролетариата, составлявшего едва ли 10% населения России, стала реализовываться на практике. По сути, это была диктатура не столько пролетариата, сколько партии большевиков. Но тут не стоит, что уже вскоре после II съезда РСДРП Плеханов резко критиковал Ленина за то, что он «слишком» диктатуру пролетариата с диктатурой над пролетариатом. «Пролетарият был Георгий Валентинович!

Вопрос о диктатуре пролетариата был тесно связан с отношением к крестьянству, основной массе населения России. Без его поддержки революция не имела бы шансов. Вопрос о справедливости социального перераста силми малочисленного рабочего класса было бы ясным. Но как можно было привлечь на сторону пролетариата крестьян? Только с помощью справедливого решения этого вопроса о земле. Дискуссия о справедливости, включившаяся в национализацию, Плеханов решительно возражал. Он считал, что эта мера немет привности к «государственному социализму». Ленин, выдвинув на своем, утверждал, что благодатнейшей почвой преобразования общественной диктатура добьется «подгит-

вами» остального аграрного сектора российской экономики до уровня развитых капиталистических стран. В итоге требования по национализации было все равно что изобретено, но Ленин оставался его примерением всю жизнь. Уже в 20-е годы она былана проведена в нашей стране, но закончилась ограблением крестьянства и построением «государственного социализма», который мы наблюдаем даже теперь хотя бы в частичном денационализации земли путем введения ограниченной частной собственности на нее, значит, и движение к реабилитации плехановской позиции.

Интересно, что отношение к Ленину к крестьянству было безусловно марксистским, исходящим из тезиса о двойственной природе этого класса. Но если быныли народный Плеханов быныли дивный революционный потенциал будущего союзника пролетариата в классовых битвах, то Ленин чаще оценивал крестьян как мелких собственников, постоянно воспроизводящих капитализм, а следовательно, как контрреволюционный, даже реакционный массу. Революционность мелкой буржуазии он соглашался признавать лишь условно. И этот взгляд в сочетании с убежденностью в нестартаемости вытеснения при капитализме мелкого производителя крупным, означало числу мелкого производителям определенно ленинский подход к ним. Если в «практическом» разделе программы он соглашался проявить как можно больше «доброты» к мелкому производителю, к мелкому крестьянину, то в части «задачи» требовал быть строже к «неадекватным и другим социальным элементам», «ни на югу не поступалась своей точкой зрения». Допускал, что крестьянство может не принять Ленинский курс, тогда не при «диктатуре» окажется по своей стороне слеза тратит попустому, где надо власть употребить».

Совпадая с Плехановым В. И. Засулицей резко отреагировали: «Над мелким лиан-то. Платебуй-ка! Поез-болеть, чтобы пришло, зови». К сожалению, даже всего по отношению к нашему крестьянству именно «власть употребил», мало заботясь о том, чтобы убедить его. Результат, как говорится, был один.

В целом и в II съезде РСДРП Плеханов занимал единую с Лениным позицию, едва высказывая ту, что хотел их «развести». Совершенно в ленинской духе обрушился он на делегатов, высказывавших «революционизм» наглядно. Так, достояние Плеханова критиком Марксовой теории обнищания пролетариата, он назвал их точку зрения «нормальным признаком теории оппортунизма». «В самом деле... говорил он... если положение рабочего класса постепенно улучшается, если это улучшение и теперь достижимо для все более и более широких масс, то естественно, что социальст-реформисты имеют все основания и права являться истинными враждебными и антиреволюционными пролетариата, в революционной социал-демократии остаются только стаг под знамя оппортунизма».

Плеханов, таким образом, как и Ленин, присягнув революции как армистическому делу, преобразованию общественных отношений. Правда,

для Ленина были больше характерны революционные измерения, экстремизм, тогда как Плеханов отличался умеренностью. Однако, критиком мифов, реформистская путь он решительно отвергал, не желая даже проанализировать те факты жизни, из которых исходили «оппортунистические» воззрения Акимова в РСДРП или Бернштейна в Германии. Критиком глупости Ленин удалил в 1905 году прошлого века очень много информации и едва иронизировал над Каутским, замечая как-то, что нужно быть благодарным Бернштейну, который «оставил нас развешенно». Бернштейн, не быныли плехановский интеллект осмыслил как сухой, логический, нетворческий. «Он вообразил идею Карла Маркса умно, глубоко, сделал из них те выводы, которые сделаны немецкой социаль-демократией это для него было непонятным самословом — выражением безусловной и единственной истины. Если жизнь вырвалась из этого круга его диктаны, он скорее бы обвинил жанде, чем свою диктатуру», сказал бы, «забыл» есть жизнь, а не теория» (Л. Тихомиров).

Жизнь в итоге опережала и Плеханова, и Ленина, и самого Маркса. Обнищание рабочего класса произошло не в условиях капитализма, а в период «развитого» капитализма. И теперь ученые спорят: Маркс ли виноват или неверно было интерпретировано его теория?».

...Второй съезд РСДРП стал «заведенным часом» Плеханова. Долго работая в партии, он, наконец увидел молодую порось, которой прокладывая дорогу своим трудом. На заседаниях съезда, особенно в прогрессивной секции, он, по воспоминаниям Троцкого, «выступал с силой, которую не обнаружил ни в какой другой момент». Он не только вставал в голову, уверенный в себе, в своих знаниях, в своей силе, а вселими ироническим огоньком в глазах, с колотом и тоже вселими усам, с чуть-чуть театральным, но живыми и выразительными жестами, Плеханов, скрившись председателем, освещал собой всю многоликую секцию, как живой фейерверк учености и остроумия. Отблеск его вселими обожания на всех лицах и даже на лицах тех, где возгор боролся со смущением».

А затем, считает Троцкий, начался период упадка. На мой взгляд, однако, это было время растущего непонимания и отчуждения со стороны червонных соратников и союзников. Вскоре после съезда провозгласили «развод» с Лениным, и хотя в отдельные моменты обнищание еще отлучало, но по-настоящему солидарной работы уже никогда не было. Плеханов склонился то к бынылими, то к Ленину, но потому, что был, по выражению Ленина, «генерал от влияния». Выпал как раз Плеханов не умел, да и считал лишь своего достоянием. «Одним лишь душой власть» обнищала его — стремление «вырабатывать инстинкт» и «привести к объединению расколовшихся на съезде партии». «Большевики он стремился заставить отказаться от анархически-буланских теорий и методов» — вспоминала Р. М. Плеханова. «Вот почему, в ответ на денацию из реакции по отношению к большевикам вернутую палку

и другую сторону и сделать партнером революции». Не относился же к тем, ни к другим, Плеханов хотел быть в условиях обособленной независимости — право социализма и независимости, — эта марксистская позиция высывала против него огонь с обеих сторон, оставляя рядом лишь небольшие группы приверженцев. Политический снос и влияние маршанского куража на глазах падали.

Последние страницы трагической — странной биографии Плеханова стали первой мировой войной и последовавшие за ней Февральская и Октябрьская революции 1917 года.

Позиция «оборонцев», которую он сразу же занял, вызвала резкую критику Ленина и большевиков. Они вели и армии агитацию под лозунгом превращения войны империалистической в войну гражданскую. Плеханов же выступал за войну до победного конца, за наведение порядка в мире. Две последние недели войны — возмущение народа освободило Россию от царя и его бездарного правительства, он уверял, что «революция была сделана против правительства не потому, что оно вело войну, а потому, что оно не хотело вести ее надлежащим образом и вело дело к поражению».

Вот здесь Плеханов проявил явную способность анализировать факты жизни, упреждая первыми в наступлении изумленные большевики. Сказалось, видимо, долгое пребывание за границей, непонимание сути происходящих в России событий. Поставившей его вскоре после возвращения Плеханов на родину в апреле 1917 года генерал Дитерихс сказал о беседе с солдатами-крестьянами из Орловской губернии: «Зачем воевать, это пустое», — говорил тот. «Да мы войну навязали», — совсем в духе Плеханова возражал генерал. «Так надо просить мира», — тогда на него начался контраргумент. Ну сколько на 100 тысяч придется — 60 рублей, ну 100. Так и сейчас готов заплатить 100 рублей и остаться в живых». Да, крестьяне в солдатских шинелях уже не хотели погибать за чужды им интересы, поэтому-то и шла успешно в войсках большевистская агитация. Плеханов же с его призывом к рабочим поступиться на имя победы 8-часовым рабочим днем, оказав впоследствии поддержку Временному правительству и большевикам в этой ситуации по меньшей мере нелепо, и, несмотря на то, что он очень часто после революции выступал на митингах и собраниях, резонанс от его выступлений был слабым: не темных рядов «далека раскатывала масса, не такая легкая».

Думается, поэтому не был услышан и голос Плеханова, когда он назвал безумною авантюрой ленинских призыв к протекторской, социалистической революции. «Русская история не сложится тон иржи», — писал и говорил он в последние месяцы дни 1917 года, — из которой будет вынесен пачинный якорь социализма», социалистическая революция в России если и совершится, то «в более или менее отдаленном будущем». Она, между тем, стояла на пороге.

Снова сложилась парадоксальная ситуация: и Ленин, и Плеханов в своих оценках и прогнозах развития событий исходили из теории Маркса, но Ленин обосновывал с необходимостью со-

циалистической революции в России, видел в ней выход из жестокой экономической кризиса; Плеханов, напротив, доказывал преждевременность такой революции и утверждал, что ее результатом будет всеобщая анархия, гибель демократии. Настоящим немалым оплотнением Плеханов и большевиком, что капитализм в России не достиг еще той стадии, когда он представляет различие эксплуататорских и эксплуатируемых классов, требовал звать рабочих и беднейшую часть крестьянства к его низвержению и к захвату политической власти. Завладев власти в такую пору, когда начиналась борьба рабочего класса с мелкобуржуазными и мелкобуржуазными объективными условиями», писал Плеханов, — Зюльгов считал «историческим несчастьем» для партии.

Но Ленина эти предостережения не останавливали. В предостережении он видел единственный выход из тупика, явно преувеличенный революционный потенциал пролетариата и крестьянства и недооцененную силу возможного сопротивления со стороны эксплуататорских классов. Гудя подпольем и зная, что беспорядочная борьба с внешним и внутренним противниками большевика отбил у него вкус к политическому диалогу, к поискам компромиссов, согласия. Плеханов же, которого Ленин называл «мещанином в рабочем ренде», последовательно держался принципа: выдвигать не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет. В этом духе он и выступил в августе 1917 года на созванном Лениным представителем «Московские Государственное совещание».

Обращаясь к делегатам, сидевшим в правой части зала, — к представителям торгово-промышленного класса, он изложил им, что в отношении и подготавливаемой Февральской революции «верная заслуга русской революционной демократии»: «Граждане, теперь настал такой момент, когда в интересах всей России и в ваших собственных интересах необходимо сделать заявление. А пролетариату. Призывая капиталистов к развитию производительных сил, Плеханов заявлял: «...столько русская промышленность может развиваться только в том случае, если торгово-промышленный класс поставит перед собой задачу осуществления широких социальных реформ». И под аплодисменты и крики: «Правильно!», поощряя поддержку демократических сил, он обернулся к левой стороне — здесь сидели интеллигенция, эсеры, народные социалисты. Россия переживает сейчас буржуазную революцию, подчеркнул он, и, значит, не следует признавать к захвату политической власти. «Раз нам предстоит жить переходом более или менее длительной фазой капиталистического развития, то надо помнить, что этот процесс является двусторонним, причем на одной стороне будет действовать пролетариат, а на другой буржуазия. И если пролетариат не захочет побороть свои интересы в буржуазии своим, то и тот, и другой класс должны bona fide (т. е. по доброй воле... — В. С.) искать путь для экономического и политического соглашения».

Так говорил Плеханов. Но такого Плеханова слушали уже немногие.

Страна находилась на грани социального взрыва, и трезвые, взвешенные голоса (а голос Плеханова был во многом таковым) в криках озлобленных и предельно возбужденных сторонников минималистско-капиталистической и дружин «кроссовосам». Приоритет гражданской войны витал над истеричной Россией, и смертельно больной Плеханов был не в силах, что-либо изложить.

Почти арестованный в постели обострившимся туберкулезом, Георгий Валентинович только пишет (уже диктует) статьи для газет («Единство» да принимает тех, кто хотел выразить ему свою поддержку. Он предлагался ему постом правительству. Временное правительство он отказывался, не считая себя вправе принимать его без мандата от всей социал-демократии. Социал-демократия России, однако, в это время была подобно разбитой шайбе, не имея сил, чтобы склонить которую нельзя было никакими силами. Беспомощность Временного правительства, его упорное нежелание сделать хоть что-нибудь для снятия атмосферной напряженности в обществе привели к тому, что грозовая атмосфера разрядилась. Октябрь. К власти пришли большевики, и хотя в ЦК и Союзнике раздавались голоса в пользу многопартийной коалиции, которая привела бы к гражданскому согласию (во этом отношении Каменев, Рыков, Ногин и др.), всеобладала точка зрения Ленина и Троцкого: не для того большевики завоевали власть, чтобы делиться ею.

Отправившись от первоначального правительства в другие политические течения и партии, а том числе социалистических, стали уверять — больше самих себя, — что это неизбежно, что диктаторский режим вот-вот рухнет, так как Ленинцы не имеют ни малейшего государственного управления, массовую поддержку и пр. Плеханов же, вспоминая его жест, скептически качал головой и говорил: «...ошибается, большевики сильны. Безответственною массе надо, чтобы пролетариат сам убедился в преждевременности, следовательно, и во вреде коммунистического эксперимента, и даю ему для этого по крайней мере еще год, а там уже увидим».

Но Георгию Валентиновичу не долговечно поставил перед в условиях грандиозного социального «эксперимента» — он умер 12 июня (30 мая) 1918 года. Мы же теперь знаем, что потребовалось больше 70 лет и кошмар государственного переворота, прежде чем народ начал прозревать, и мы иными глазами взглянули на тех, кто, опережая время, не страшась хулы и клеветы, в годы революционного экстаза и хаоса гражданской войны неутомимо ваявали к разлуке и свастике, к жестокости и поискам общественного согласия. Горький и Короленко, Бердяев и Айхенвальд, Мартов и Плеханов — немало их было, но они были. Их гражданскому мужеству, их высочайшей нравственности нельзя не отдать должного.

И в этой связи хочется закончить очерк словами Троцкого: «Пора, пора написать о Плеханове хорошую книгу». Правильную, умную, честную. О нем заслуживает.

Владимир САЗОНОВ



ПРОК
М
И
ШАНС

АНТИТЕЛЫ, ФЕСТИВАЛИ



В конце 80-х в послесловии к своему надушевному ассе «Рок в СССР» Артем Троицкий писал: «Рок сегодня уже не является высшем, брошенным общественному спокойствию, хотя не сомневался, что и сейчас найдутся люди, сохраняющие верность его бунтарскому духу. Наверное, скоро у нас будет настоящий шоу-бизнес — со множеством звучащей продукции, хит-парадами и вручениями золотых дисков...»

Знаменитый рок-критик как в воду глядел. И хит-парады, и вручение золотых дисков стали и у нас в честь. Только вот беда, имена тех, кто находится в центре общественного внимания, зачастую далеки от настоящей рок-музыки. Что же касается шоу-бизнеса, с ним гораздо сложнее. Но об это пору находит в младенческом состоянии.

Развитию шоу-бизнеса в нашей стране способствует существующий уже третий год международный конкурс-фестиваль «Интершэнс», который своим появлением обзавелся энергией и фантазией сотрудников аналитического объединения «Международная компания». Дважды «Интершэнс» проходил в Москве. В этом году переместился в столицу Украины.

Многим цветущим парижским деревом и нарциссов встретил Киев прибывающих музыкантов. Атмосфера, в какой проецируется

«Интершэнс», отличалась сдержанностью, если не сказать — строгостью. Дни проведения фестивалей совпали с проходящей неделей памяти черныбыльской трагедии. Его организаторы и участники сознательно пошли на это, так как сборы от гала-концертов в миноритетном зале Киевского Дворца спорта сулили немалые суммы, и две трети их было решено передать в Фонд помощи жертвам Чернобыля.

В Киев приехали представители крупных зарубежных фирм, специалисты разных рангов, так или иначе связанные с мировым шоу-бизнесом, — из Англии, Испании, Японии, Бельгии, Чехословакии. Когда я спросила у Кристофера Пирса из фирмы «Вижон клубен», на что он рассчитывает на фестивале, он ответил: «Прежде всего крупные компании грампластики ищут в артисте оригинальность. Только не копирование того, что есть на Западе. Многообразность, индивидуальность — важнейшее условие для контракта с фирмой».

Чем конкретнее привлекать зарубежных представителей шоу-бизнеса новые имена на сцене? Питер Делан, английский фирма «Хилтон саунд»: «Первое — это особенности страны, которую представляют музыканты. К примеру, в Ирландии основу современной музыки составляют корни кельтской культуры. А далее — вопрос в том, чтобы приблизить народную оригинальную музыкальную культуру к фирмам, собственным рок-музыкам».

Аfrican обещали встречу с кумирами и прекрасными «незнакомками» и «викторами икс». Переудивало, что наряду с исполнителями из Москвы, Киева, Риги и Еревана в конкурсной программе были музыканты из Днепрпетровска и Ялты, Львова и Загоронья, из столицы Калмыкии Элиста.

Члены жюри и пресса возмущены с облегчением, узнав, что на этот раз каждый из дней конкурса отмечен своим жанровым знаком. В первый день на сцену должны были выйти хард-рокеры, второй — проходил под знаком «поп-рок», а название третьего дня звучало многообещающе: «фок-альтернатива». Не надо было быть профессиональным аналитиком, чтобы понять, находясь «внутри» одного из этих жанров, степень его плодотворности.

После прослушивания хард-рокеров у меня лично сложилось досадное ощущение, что все музыкальные, исполняющие этот стиль, оказались, как говорится, из одной связки: одинаково заграммированные лица, похожие гримасы, черного цвета костюмы и полные бурной экспрессии композиции. Хард-рокеры группы, как никто другой, были способны мгновенно «разогреть» огромный зал своими эмоцио-

нальными инструментальными соло. Отличалось их исполнение и зрелищность.

Но музыкальное единообразие постепенно утомило и жюри, и всех сидящих в зале. Единственный светом в силе в первый день стала московская группа «Гибель Богов». Было видно, что этот ансамбль — собрание артистически индивидуальностей. Каждый исполнитель был интересен и как музыкант, и как личность.

Во второй день конкурса многие возлагали надежды на Омскую Ревю — рикенун, лауреата конкурса «Юрмала-87». Но ее выступление разочаровало. Будто и не прошло нескольких лет. Все осталось по-прежнему. Зато обий восторг — Вика Врайди. Запомните это имя. Львовская группа «Вика», с которой она выступала, стала открытием конкурса. Смесь юркович, сонных, суперсерьезно звучащих, армянских, свежих красок украинского фольклора, тонкой сценической юмор, заломившийся облик солистки.

И, наконец, день третий. Судящиеся праздника оставило выступление московского «Альянса». Его можно было оценить высшими баллами: профессионально, оригинально, захватывающе.

После выступления «Альянса» неслыхо было выйти на сцену молодые музыканты группы «Калмыкия». Но талант таланту не помеха. Ребята из Элисты начали с многоголосной песни а'серри, посвященной жертвам Чернобыля. Это элегантно-важная композиция расположила к музыкантам всех сидящих в зале. И потом все, что исполнили калмыцкие музыканты, только укрепляло мысли, доверия и уважения, который они переборстили в зал в самом начале. Группе «Калмыкия» всего два года. Она стала известна после удачного дебюта на международном конкурсе «Голос Азии-90» в Алма-Ате. Лидер группы, автор армянских и многих композиций, исполняемых «Калмыкией», Аркадий Маджнев пишет оперы, балеты и симфонии. Уже по этому можно судить о его музыкальной одаренности и культуре.

Так каковы же «интершэнс» советских рок-музыкантов? Представители зарубежных фирм не слышат при подписании контрактов и деловых бумаг. Так что еще не много терпения. ■

Полна ВАСИЛЬЕВА

На высокой звуковой дорожке вы услышите в исполнении группы «Калмыкия» и «ДДТ» (гость фестиваля) песни «Занда» (калмыцкая народная, аранжировка А. Маджнева) и «Не страши!» (Ю. Шевчук).



Фото Л. МЕДВЕДЕВА и Е. МАТВЕЕВА

— Да она вообще не умеет петь!

— Что вы?! Да это настоящий Шалляган в юбке! — Зачем она поет? Ей бы на драматической сцене выступать...

Эти противоречивые фразы, как бы выходящие из температурных споров в публике, относятся к певице Лине Мертчан, надменной речавшим голосом, удивительным, и бы сказал, бездурно-глубоким контролем, которое в иные моменты напоминает како-то тончайшую воздушную жеману, а бывает так, что, кажется, слышишь тембр, напоминающий то, органоное звучание, которое композиторы помечают словами «органу плано», то есть «полное звучание органа».

Простите, еще одно противоречие. Восторженных статей и телепередач о Лине Мертчан в печати появляются все больше и больше, а концерты ее становятся все меньше и меньше. Хотя проходит она при абсолютных аншлагах, несмотря на рекламу, часто ограничивающуюся простой рукописной афишей у входа в зал. Это, к счастью, не относится к Ленин-град, городу, который давно признал, оценил и полюбил Лину Мертчан (там, так же, как и в Минске и Москве, есть «Общество друзей Лины Мертчан»), зовет ее и на концерты в Казелле, и для созвучания труднейших и сложнейших в звуковом отношении со-курских фильмов. И все-таки поетрима: свидания Лины Мертчан с публикой становятся все реже и реже. Максимум 10 концертов в год, из них 8 — благотворительные, это чудовище мало!

В чем же дело? А дело в том, что, видимо, существует противосто-яние между старыми и новыми сударскими мелосами и всей нашей системой управления культурой, которая не признавала и не признает не только нестандартного, необычного голоса, манеры пения, но и идущего наперекор человеческого характера.

Ведь Лина Мертчан вознамерилась «атаковать» устоявшееся го-дами традиции исполнения вокаль-ной классики. Она прозвучно на-зывает себя реаниматором этой классики, чистильщиком, санита-ром. Она резко подчеркивает зна-чение слова, интонация, скажем, в романсах, считая, что традиции рутинного исполнения показали в конце концов восприятие пу-бллы.

Ее программы строго моногра-фичны. Каждая посвящена одному генеру музыки или поэзии. Каждая тщательно выстроена драматурги-чески — от аперифа до послесло-вия. Вот элементы конструкции концерта, посвященного романсам Чайковского: аперифа («Хотел бы в адное слово»), начало («От-

чего?»), кульминация («Не спрашай»), спом («Примирение»), финал («Подвиг»), послесловие («Коль-бельная»).

Казалось бы, наши ревнители классики должны были привет-ствовать появление таких арти-стов, как Мертчан, но попытки Лины пройти филармоническую ко-миссию по приему в солисты — всего попытки было 9 — провалили-сь. Знаменитого соправа и на ве-ликие известнейшие скрипки, составив-шие комиссию, повторили утверж-дение о якобы певческой несостоя-тельности Мертчан и о ее предра-положности к драматической сцене.

Сколь трогательно это стремле-ние отделить вокал от драмы! Как будто бы не было Шаллягина и его примера! Думаю, все же причина отказа была в другом. О ней когда-то сказал выдающийся дирижер Вильгельм Фуртвенгер: «Есть произведения искусства, содержа-щие погрешности... и тем не менее принадлежащие к числу величай-ших творений... И есть много, очень много произведений, в которых нет ошибок, но они никого никогда не впечателявали».

Веще слова! И тем не менее барьеры перед Мертчан восди-гаются, видоизменяются стераются, на радио выступать не дают, звукоза-писали для пластинки, как это случил-ся с православными песнопениями, сделанными Линой в Киево-Печерской лавре, были размagni-чены (правда, дали возможность напеть два диска с сочинениями Вивальди, Эстабе, Сен-Санса, Глюка и Чайковского, — Лина бла-годарна «Мелодии» и за это), за гранью, естественно, в голову ни-кому не пришло послать Мертчан.

Но тут назло бюрократке-судье все-таки произошел, как теперь принято говорить, «прорыв». Лина поехала в Италию к нашей правдо-любивой духовной маэстрии, куда входил и хор под управлением Николая Корнева, на международный семинар «За духовное объедине-ние всех христиан мира» (в аббат-стве Арццо). Эта акция заверши-лась в Ватикане в присутствии папы Иоанна-Павла II, который обра-тился к верующим с проповедью на восьми языках. После этого вме-сте с хором Лина запела «Да испри-вится молитва моя» Павла Чесно-кова. Когда она кончила петь, папа подошел к ней, выразил свое вос-хищение, благословил ее, и Мертчан получила возможность погово-рить с ним. Но никто из святских музыкантов Италии так и не слышал ее.

Наконец, несколько слов об исто-рии жизни Мертчан.

Лина родилась в Одессе и пела, как она рассказывает, с двух лет, обращаясь к морю. К нему она адре-совала первые свои пенки как дышанье. Должно быть, в детстве все мы чуть-чуть рыбки, и, ви-

МАСТЕРА ИСКУССТВ

НА ПЕРЕКОР СУДЬБЕ



димо, войны были первым божеством диско. Говорили, что какое-то время она увлекалась диско. Может быть. Я же впервые услышал в ее исполнении «Три душные песенки» — Сен-Сависа и «Письмо об умирах детях» — Милера. Стройная, высокая красавица с золотистыми глазами и «водными цвета льна» волос, как выходящая инструменталист, у которой каждая нота на вес золота. Часто астерской игры на сцене был мимикой. И только скупой жест руки, чашечки мимикой в матероской трагедии давали представление о Мертвич-актрисе.

Возросло, эти ее потенциальные возможности были в свое время увлечены ее парвям и, пожалуй, единственным педагогом — директором Института Гнесиных П. Л. Троной. Весь свой слух и знание в сфере вокального искусства Троной отдала юной певице. Поэтому смерть ее была для Лины печальным рубцом. Дальше не было терний. Из класса Ариповой в консерватории Лине пришлось уйти — отношения между студенткой и знаменитой вокалисткой-профессором не сложились. На конкурсе Глинка предводитель жюри Арипова присутствовала Мертвич только на первый тур. Позднее, точно так же Ирина Константиновна демонстрировала уша с прослушивания, когда Лина поступала в Большую театр.

Далее следуют удары и потери иного рода, еще более жестокие. Лина перенесла тяжелейшую операцию, едва не поставившую под вопрос не только лена, творчество, но даже и жизнь. Однако боги спас ее в прямом смысле слов. Некоторое время Лина провела в монастыре. Она так говорила об этом: «Я ведь не пришла в монастырь, чтобы принять постриг. Это были личные обстоятельства — я покорила всю свою семью. И ушла в монастырь, чтобы набраться сил, чтобы снова жить дальше, и я действительно была там счастлива, уверенна. А затем вернулась в мир, чтобы дальше пытаться быть, чтобы что-то успеть». «Дальше пытаться быть» — эта формула пока что выражает существо жизни Мертвич. Существо того, что она делает сейчас. Поклема же ей успеха. ■

Анатолий АГАМИРОВ



На четвертой звуковой дорожке мы услышали в исполнении Лины Мертвич и Камерного хора под управлением В. Корнева дуэтное сочинение А. Гречанинова «Сивил веры».

фото С. АНДРЕЩЕВА

«С глянцем стир для рок-ролла, но слишком молод, чтобы умереть» — эту фразу часто обращают в гриссо к музыкантам, уже перешагнувшим горю традиционализма. Что делать, если рок-музыка — музыка молодости и содержит молодыми. Жесткость этого убеждения часто тормозит карьеру даже самых преуспевающих звезд эстрады, заставляя эмигрировать их в другие жанры (например, в поп или диско), уходить в кино или становиться гастроллями, журналистами, если обнаруживается талант, или менеджерами музыкальных компаний.

Но, уходя на сцену певца и гитариста Эриса Фриля, переживавшего сорвавшийся рубец, никак не хочется соглашаться с упомянутой, так сказать, формулой. На концертах этот рокер «со стажем» поражает энергией и утонченным профессионализмом, часто что личности его более молодые коллеги. «Таких меня сделала жизнь», — любит повторять Пол Дэнис Фриля, более известный под артистическим псевдонимом Эйс Фриля. Он родился в Нью-Йорке, в знаменитом квартале, хорошо известном американцам как райончик престипульсы, в Бронксе. Но этот крепкий и коренный ларенько пополнил ряды многоисленных местных звезд (уличных банд), хотя и был частым посетителем полицейского участка в своем районе из-за рискованных киношных похорождений. Он даже учился в коллед-

ДАЛЕЙШЕ, ЭЙС! ДАЛЕЙШЕ, ЭЙС!

На четвертой звуковой дорожке — песня с диска «Беспокойный ходок» — «Списком молодых, чтобы умереть» (Э. Фриля, Ф. Скарлетт) и «Лини Мертвич» (К. Кэткарт, Э. Фриля) в исполнении автора.



же, но выбрал профессию таксиста, более привычную для выходцев из малообеспеченных семей.

Наверное, он бы так и крутил барабанку по темным улицам Нью-Йорка, если бы с детства не загорелся любовью к року. На простенькой гитаре до позднего вечера повторял аккорды своих кумиров — Эрика Клэптона, Джимми Хендрикса (гитарного прототипа голубого «уастилика» — Роллинга Стоуна). В 1973 году он случайно знакомится с Полом Стенли и Джоном Саммонсом, которые уже выступали в собственной группе «Гипс». Но вскоре под новым названием «Кисс» группа получает контракт на запись дебютного альбома, и Эйс бросает работу сфера — становится профессиональным музыкантом.

У нас немало писалось о «Киссе», но чаще тон этих публикаций был осуждающий. Между тем, по моему мнению, этой группе удалось тоже кое-что сделать для развития хард-рока и утвердить на сцене настоящих рок-цирк. Полноправным участником квартета стал и Эйс, который играл в «Киссе» почти десять лет, пока в 1983 году не решил начать сольную карьеру.

Вместе со своей группой «Комета Фриля» он записал за шесть лет три популярных альбома, но особую известность ему принес диск «Беспокойный ходок» (1983 г.). Это был тот случай, когда Эйс убедительно показал, что он еще не готов стать знаменитым пенсионером.

На этой пластинке звучат не только его, наверное, лучшие песни, но и чувствуется обилие личности. В работе над диском принимали участие такие замечательные музыканты, как гитарист Ричи Скарлетт, басист Джим Риган, в качестве сопродюсера — легендарный Эдди Крамер. В вокальных партиях помогали Собоуэн Бейх, Дэйв Сабо и Райнал Болан из известной спутательной по музыкальному фестивалю в Москве группы — «Скид Роу», а также старый друг, коллега по «Киссу» Питер Дрисс. И успех не заставил себя ждать!

Сегодня Эйс по-прежнему в движении: он собирается выступить в качестве продюсера нескольких совсем молодых групп, поманя им сыплет и музыкальным материалом. На подходе новый собственный альбом, который, я уверен, поможет в очередной раз забыть о возрасте этого музыканта. Он продолжает удивлять, а это качество вечно молодой рок-музыки всегда ценится среди ее многоисленных поклонников. Продолжать дальше. Эйс! ■

Михаил СИГАЛОВ

Созанос, и долго упрямилась, раз за разом отказываясь верить своим глазам, признавать очевидные факты. Скорее всего не готово еще наше «марксистское» сознание принять на веру возможность того, с чем собираюсь поведать. Хотя все было просто и ясно. Но невероятно...

Представьте себе, что появляется человек, который всерьез утверждает, что изобрел способ, с помощью которого можно не только за несколько сеансов излечить тяжелейшие заболевания, но и преобразить людей, сделав их добрее, красивее, подарить им возможность стать бесконечно счастливыми. Мало того, он воинственно утверждает, что медицина всего мира не лечит, а калечит и что он убедился в этом на собственном горьком опыте.

Много лет назад на Анатолии Григорьевича Гриценко рухнула кирпичная стена. Позвоночник оказался поврежденным. Гриценко был обречен на полную неподвиж-



СЕНСАЦИЯ

Я живу в провинции. К сожалению, новые открытия в области медицины до нас доходят редко. Работать по части верований и стараясь, чем могу, помогать людям. Знаю и применю в своей практике народные способы лечения, унаследованные от моей бабушки. Эти знания очень выручают, особенно сейчас, когда самые обыкновенные таблетки стали дефицитом. А совсем недавно услышала по радио короткую информацию о новой методе лечения болезней, связанных с повреждением позвоночника. Если вам что-либо известно об этом, расскажите на страницах журнала.

Наталья Белик
Оренбургская область



Трудно поверить, что за несколько сеансов лечения можно избавиться от тяжелейшего недуга. Но это так. Поистине уникальнейший метод лечения изобрел ныне директор и лечащий врач Медико-инженерного центра восстановления соматической иннервации органов и тканей Анатолий Григорьевич Гриценко.



ность. Человек любознательный, деятельный, изобретатель по своей сути, он изо всех сил старался преодолеть болезнь. И вот однажды, в очередной раз терзая себя попытками хоть чуточку двигаться, он заметил, что вместе с болью возвращается по крохам ощущение тела. Не будем описывать, через какие терзания прошел Анатолий Григорьевич, пока ястал прочно на ноги. Обложившись медицинскими атласами, книгами, он начинает постигать тайну своего выздоровления. И в конце концов делает для себя открытие, что причина чуть ли не всех болезней в той или иной деформации позвоночника. А дальше он попытался, мануирует с позвонками, воздействовать на болезнь. Годы пролетели, чтобы найти самую тонкую струночку, все взаимосвязи спинного мозга с причиной болезни того или иного органа.

А затем годы ушли на борьбу за признание изобретенного им метода. Противостояние идет и сейчас, хотя ему удалось вместе с единомышленниками, профессиональными медиками создать собственный Центр. Название у него такое: Медико-инженерный центр восстановления сегментарной иннервации органов и тканей. Кажется бы, ответили помещению в самом центре Москвы, на Кутузовском проспекте, и теперь си с помещением ищет людей там, где недавно располагалась ателье-пикс для «свадьбы-свадьбы». Но очередные страдания не убавят — их без малого 50 тысяч. На излечение особенно требуется два-три сеанса, но за те полтора, что колдует над болем телом целитель, сколько лотов с венами сойдет? Нузя в руках сил, и немедля, но прежде науки знания, владение методом Анатолия Григорьевича.

Мне, конечно, было несколько странно слышать рассуждения Гриценко о том, что, воздействуя его методом на организм будущей матери, можно еще в утробе изменить в лучшую сторону будущее человека. Изменить его не только внешне, но и избавить от накопленных из поколения в поколение наследственных заболеваний, от негативных черт характера. Но, как и узнала, это теперь не теория: уже родился и растет человек нашего, хотелось бы надеяться, действительно светлого будущего!

В разговоре с кандидатом психологических наук Владимиром Геор-

гиевичем Зызикиным я услышала ряд потрясающих примеров из врачебной практики. Человек годами страдал, потратил немалые деньги на лекарства, нуужался в очереди и кабинетах, настрадался от собственной хвори, потерял всякую надежду, и вдруг... Он (она) попадает в Центр восстановления и вскоре ощущает себя выздоровевшим. Но проходит месяц, другой, и человек приезжает следом в Москву, потому что он убежден в том, что он непременно должен быть болен. В Центре новейшей диагностической аппаратуры и приборы, изобретенные Гриценко и сработанные в собственных мастерских, неуверенно подтверждают отсутствие болезни у недавнего обреченца!

Слышые врачи излечивают не только радикулит, ишемическую болезнь сердца, но и даже детский церебральный паралич. В Центре разработана программа помощи пострадавшим в Чернобыльской катастрофе. Оказывается, незадолго до взрыва у ученых был найден великолепный сорбент, обеспечивающий практически полное выведение радионуклидов из организма пострадавшего. Найден и... засекречен. Так вот, сочетание этого чудо-сорбента с методом Гриценко дает восстановление здоровья в минимальные сроки. При небольших затратах громадный эффект.

Тысячи и тысячи людей можно было бы вернуть к нормальной, полнокровной жизни уже в ближайший месяц. И снова это злосчастное «но». Программа получила поддержку в Академии наук СССР и Совете Министров РСФСР, но не нашлось денег — сумм, гораздо меньше, нежели те, что отпущают сейчас на малоэффективные программы. Однако ни Анатолий Григорьевич, ни его соратники рук не опускают, сам борются.

Господи, сколько же лет пройдет, прежде чем мир станет иным, таким, каким он видится нам в наших нынешних детских мечтах! Впрочем, почему они считаются наивными? Вот и сейчас я наивно надеюсь, что кто-то из скептиков от медицины прочтет статью. И заинтересуется, и обратится к самому Анатолию Григорьевичу Гриценко или к его соратникам. А там, глядишь... Ах, как хочется, чтобы все так и было!

Марина НАТАЛИЧ

Фото В. ЕРШОВА

НЕ В КОЛБАСЕ СЧАСТЬЕ



Наверное, самым читателем будет интересно узнать, что на анкету, опубликованную в «Кругозоре» № 12 за 1990 г., мы получили несколько писем с ответами. Как много нового и узнаю о наших читателях, читаю эти письма! Многие из вас, несмотря на недавнее знакомство с журналом, хорошо ориентируются в рубриках, выделяют эстетические приемы журналы и, что особенно радует, помнят наиболее яркие публикации этого года, с удовольствием пишут о них.

Многие ваши идеи, предложения уже сейчас нашли отражение на страницах нашего издания. Читатель Юрий Егорович из Кемеровской области журнал оценивает так: «Кругозор — не только познавательный, но и развлекательный. Значит, большое значение являю материал самонаводящего характера. Хотелось бы, например, услышать репортаж из кабинеты миллионной машины с логотипом, что дух захватывало, о таких машинах, да мало ли интересных тем для звукового журнала?».

Считайте, что ваше предложение мы приняли, и рубрика «Сенсации», как вы, вероятно, заметили, появилась уже в этом номере.

Политика — наиболее животрепещущая тема для наших читателей, и письма на эту тему яркое подтверждение. Г. Анюкин из г. Ленинск-Кузнецкий предлагает: «Подать газетно-журнальные политологи, ведущие ученых, колоритных писателей, ведущих в журнале рубрику «Взрыв десятка». России нужны новые лидеры, Союзу — толка. Годовые нас к выборам 1995 года. Ну, а если вы расскажете о трудах и личной жизни миллионов советского народа, то, думаю, будут довольны многие читатели «Кругозора»».

Проживание в избытке, хотя и небеспорный. Что же, по-моему, обдумать все как следует да и откровенно рубку «В колбасе начинаются миллионы». А что?».

«Но, как говорится, деньги деньгами, а яму для полного счастья и миллионы мало. Как часто в жизни нам чего-то еще не хватает? И вот тут многие наши читатели думают и размышляют о неизрешенных проблеме общества — о бездуховности и бескультурности значительной его части. Примеры высокой нравственности идет от нас читатель В. Якимов из г. Казани, он пишет: «Большое отводит журнального места поэзии и прозе». «Только сократилась с литературой, музыкой, можно развить в себе познание прекрасного», — считает рабочий с Кузбаса С. Горбатов. А вот несколько строк из письма Ольги Немцовой из г. Иркутска: «Большое было меня волнует проблема культуры. В наш век глубоких перемен, несмотря на то, что человек должен оставаться прежде всего человеком. Но как же развить в себе культуру, если голова забита работами, учебе, информацией... Самая огромная стаям бесчеловечных дел. И поэтому покупается колбаса и хлеб, а не книги». Печальное письмо, но ведь не все так безотрадно. Есть же и библиотечки, и знакомые, которые могут вырвать интересной книгой. Вобщем, не надо унывать.

Теперь о письмах с музыкальными пристрастиями. Их много. Я бы хотела группы «Игузелле Поммулис», — пишет нам Наталья Вахрамеева из Красноярска, — и уверена, что редакция ничего об этой группе не слышала, так как и замкнется об этом не хочет».

Да, таких «страдальцев», которые себя явно обдирают пристрастием к какой-нибудь оркестру, пусть и неакадемичному, коллективу, много. Кстати, о группе «Игузелле Поммулис» мы расскажем, когда она будет в зените славы. Но слова, как говорится, ведь пропадали.

Тема, которую предлагает Н. Соколенко из г. Измаила, очень хорошая потому, что она волнует почти всех: «На мой взгляд, в вашем журнале не хватает странички «Меди» и «Гороскопы». Действительно, равнодушных и модя почти нет. Берите, берите наша модя. Сколько ей доставилось! То угадали прикосну, то юбки слишком коротки, то брюки слишком узки. А ведь без нее, вечно меняющиеся моды, скучно. Итак, да удивляетесь модой! Что же касается гороскопов, то это тоже модя, которой тысячи лет».

Безусловно, «Кругозор» не желает отставать от всего нового, интересного для читателей, и мы будем стремиться быть чуть-чуть впереди.

Письма нам.

М. МАРИНИНА

Еще не существовало авторской песни как жанра, когда молодой юниорский, исполнявший небольшие, но характерные роли в фильмах 30-х и 40-х годов, стал называться как бы исполнителем, появляясь на экране песни, казавшиеся сочиненными им самим. Его сразу признали. Он оказался людям близким, своим, современником. С повзрослением зрительского кино с экранов зазвучала песня, но они были по преимуществу эстрадными и исполнялись певцами под оркестр. Марк Бернес с самого начала предстал перед зрителями как актер, который может пронаести, говорить слова под немудреную мелодию.

Первая его песня прозвучала в фильме «Человек с ружьем» — «Тучи над городом встали». В сценарии она не была предусмотрена — ее принес на съемочную площадку как свою молодой актер, получивший скромную роль. До него с подобной песней появились на экране Борис Броневицкий и Александр Марк Бернес сразу как бы заявил, что голоса у него нет, что петь он не будет, но может, а вот так, про себя, чуточку напеть...

Молодой актер сумел убедить режиссера, что такая песня нужна. И хотя роль была небольшая, эпизодическая, но оказалась заметной, стала даже событием в картине, запомнилась, полюбилась зрителям — и все благодаря «сплывшейся» в фильм песне. Характерно, что мелодию и текст создал не поэт, но композитор, а один из сотрудников студии «Ленфильм». Именно ее любительским, самодеятельным характером подкупил и завоевывал Леонид Утесов тогда же сказал, что Бернес на экране делает то, что, казалось бы, каждый может, и это был прекрасный обман.

Весной 1939 года я встретился с Марком Бернесом в Киеве, на киностудии. Снимался фильм о летчике-истребителе. Меня и композитора Никиту Богословского привлек к работе над картиной Бернес. В сценарии и на этот раз песня не была предусмотрена. Ее придумал Бернес. А сюжет песни нам подсказали друзья-летчики — первые герои антифашистской

Надо сказать, что песни Бернеса пробились дорогу с трудом. Так произошло и на этот раз. Руководство студии отвергло песню — слишком, дескать, проста. Бернес настаивал, убеждал. Но директор студии хотел, чтобы песня была записана оперными певцами и ее фонограмма «подложена» под изображения. Глазодый Бернес был вырезан из ленты. Но мы переконвали директора, сочинили эпизод с песней в исполнении Марка для показа фильма в Москве. Песня пропала на экран. Думаю, что образ летчика Кокухарова полюбился именно потому, что шагнул с экрана в жизнь со своей собственной, отнюдь не оперной песней. Думаю, справедливо, что я называю свою песню песней Марка Бернеса. Он никогда не сомневался стихов и музыки. Но придавал своему делу единственно точную тональность и окраску.

В годы войны Бернес дал людям песню (стихи В. Агатов, музыка Н. Богословского), сыгравшую истинно великую роль, сразившуюся, обличившая тьму фашистских инкам, участвовавшую в победах. Она называется «Темная ночь». Думаю, что и сегодня нет человека, который бы эту песню не знал.

Она прозвучала в фильме «Два бойца». Бернес создал достоверный, живой образ солдата, который стал одним из любимых, а сам актер завоевал всенародную популярность. Фильм снимался вдали от фронта, в Средней Азии. Бернес, как говорится, не носил пороха, но военное командование наградило его боевым орденом.

Да, непростой рождалась песня Бернеса. В том же фильме была еще одна песня — «Шалавы, голые кафалы». Не пришла она по вкусу начальственным занюхал! В ней утратили блеск колорит, пытались вырезать песню из картины. Но им не удалось испортить образ Дубина — секрет объясняю этого человека таков: именно в столкновении его двух разноплановых песен.

Над головой Бернеса не раз сходились тучи, появились разгромные статьи, осуждалась манера исполнения. А в ней и была вся прелесть, его художественная самобытность. Но защищала и под-



На ленте звуковой дорожке — в исполнении Марка Бернеса



Человек с ружьем — Две бойца — Истребитель...

Песни посвящаются Марку Бернесу, Я. Халенский и Шалавы, голые кафалы (Н. Богословский, В. Агатов), фото Алексея ЛИДОВА

ПЕСНЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЯ...

борьбы — Гриневец, Лакев, Рычагов, недавно вернувшись из Испании и Кутца.

Их судьба, их мысли сложились в образ песни, которую мы предлагали. Режиссер увлекся, и вскоре летчик Кокухаров залеп, наловно аккомпанируя себе на рояле: «Любимый город может опять сплывет».

держивала его народная любовь.

Как Бернес работал? Он был неутомимым читателем поэтических сборников, искал стихи, привлекал поэтов к своей работе, предлагал свои сюжетные ходы, трудился над текстом вместе с ними. Интересно сравнить первый вариант стихотворения Константина Ваншенкина «Я



люблю тебя, жене», нашедшего артистом в поэтическом сборнике, с окончательным вариантом песни (музыка Э. Колмановского). Предложенные Бернесом поправки углубили песню, сообщили ей новые краски.

Подобная история произошла и со сотрудничеством Расула Гамзатова «Журнали» (музыка Я. Френкеля), появившимся однажды в передаче Наума Гребнева. Бернес сохранил лишь несколько строк, но именно они оказались единственными и необходимыми. Произошло чудо. Песня начала жить своей жизнью, вошла в духовную сокровищницу наших народов. В разных краях России установлены памятные песни «Журнали». Их семидеять — семидеять скульптур, семидеять памятников. Есть памятники и другим песням, помните, например, «Орленок», но «Журнали» ни с чем не сравнимы. Их поют ансамбли, знаменитые певцы, но открыли и, если хотите, сотворили песни принадлежит Бернесу, первому ее исполнителю.

Я считаю, что дружил с этим замечательным человеком, горжусь тем, что он оставил на орбите песни, сочиненные мною. Полагаю, как Бернес заставил меня (да, заставил, как истинный друг) сложить песню «Воспоминание об оккупации — Нормандия».

Однажды я рассказал ему о встрече с французскими летчиками на фронтовом аэродроме. Бернес загорелся: это тема для песни! Он рассказывал в Москве нашим ветеранам — летчикам, сражавшимся вместе с французами, ездил в армию смотреть документальные кадры и, что называется, вошел в образ. Мы долго, наверно, не меньше месяца сочиняли эту песню. Если можно так выразиться, мы с композитором М. Фраденным только оформили, придали стройность менте Бернеса о дружбе русских и французских летчиков. Песня с «подан» Бернеса перелетела во Францию, артист, композитор и поэт были приняты в семью французских летчиков, были награждены медалью орденом «Нормандия — Неман».

Отянитесь, как развивалась песня в эти десятилетия, когда давно уже нет Марка Бернеса. Образ певца — близкого друга, рассказчика, брата — оказал бесспорно-важнейшее влияние на формирование авторской песни. Поиню, как высоко ценится творчество Бернеса Юрием Визбором, Владимир Высоцкий, да и сегодня мимо его спяты не должны проходить те, кто принял от него эстафету.

Есть приказка: новое время — новые песни. Но песни Бернеса всегда новые. ■

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Марина Цвай. Непривычное на русском языке сочетание согласных в фамилии — как бы своеобразная заявка на нестандартность, неожиданность, быть может, даже экзотику.

Что ж, она в самом деле изумляет в первые же минуты знакомства. На сцену выходит хрупкая девушка, завораживающая грациозностью, с лукавыми интеллигентными глазами. Ну просто потрясающая флейта. На ее волегу и настраиваются. А у «флейты» вдруг просыпается глубокое контраalto, пришедшее в мастерством волевого человека. И, несомненно, талантливого. Это уже нежданность вторая — при внешней изящной незащищенности голос уверенный, сильный. И красивый, как и все в облике этой артистки.

«На побывку едет молодой моряк» — не совсем выигрышная слова, уже часто выводила мелодию, едва начала хорить. А любящая мама тогда знала: будет учиться только в Ленинграде (жили они в Казванстане, в городе Джамбуле). Ленинград — город ее довоенной юности, фронтового мужества. До сих пор в Моем архиве Анна Гавророва со своим боевым подполковником по Волжскому фронту. А была будущий певец, Платр Покляевина Цвай, решив, что все лучшее закладывается в человеке с детства, купил дочери аккордеон и привел учиться в музыкальную школу. Трудно представить аккордеон в руках такой хрупкой девушки и сейчасто, а уж в детстве... От того времени до сих пор живы в памяти на коленах как вещественное доказательство. А успешные сданные экзамены в музыкальную училище имени Римского-Корсакова на отделение народного пения (при конкурсе в человек на одну место) — это тоже о многом говорит.

Вот так с 17 лет началась ее самостоятельная взрослая жизнь, далеко от дома, все приходилось решать самой и учиться на собственных ошибках. И первыми таким уроком стал для Марины Всероссийский эстрадный конкурс в Сочи пять лет назад. Сама певица вспоминает с улыбкой, как вышла на сцену и по-школьному «выдала» совершенно не свойственный ей репертуар: песни мужественные, героические.

Настойчивость и самокритичность — эти черты характера во многом помогли Марине. И чувство юмора. Через два года она вновь вышла на подмостки Союзного конкурса — и вот победа — первая премия!

Скрылившая награды, подраблевания, она вернулась в Ленинград. Теперь она имела право на самостоятельное отделение. Но пристрастные гастроли почему-то ей не выпадали. Марина вновь решила громко напомнить о себе: вы-

И ЭТОТ ТАЛАНТ МЛОДЕЖЬ НА СТРАДЕ ДО «ВОСТРЕБОВАНИЯ»?

стнула на конкурсе эстрадной песни в Ялте — и снова победа. И снова — возвращение «на круги своя». Сама себе менеджер, сама себе художественный совет по отбору репертуара, костюмам, составлению концертных программ. «Но слишком ли расточительно, а точнее, беззаботно наше отношение к молодым талантам? Ведь у Марины Цвай, в отличие от многих шумных эстрадных звезд, есть прекрасный голос, сценический образ, дар драматической актрисы. Но спеть, в который раз сожалея, приходится добавлять: «Талант до востребования!» А время значит неумолимо!

Записи на звуковой странице «Кругозора» помогут вам почувствовать обаяние голоса певицы Марины Цвай и бесспорно определить ее сценические кумиры. Это незабвенные мастера эстрады Л. Утесов и К. Шульженко, для которых песни всегда были спектаклем. ■



Любовля ЛЮБОВЦЕВА
фото Алексея ЛИДОВА

На седьмой звуковой дорожке
Марина Цвай поет песни
«Победа» (В. Саварова, А. Шувалов)
и «Последнее танго»
(В. Меньшов, А. Крылато).





Нет, она не изменилась, достигнув своего совершеннолетия. То же округленное милонидное полудетско-полузрелое личико, те же светлые, прямые, свободно спадающие почти до пояса волосы, те же таинственно-кокетливый взгляд и голос, который не спутаешь ни с каким другим. Да, это она — Ванесса Паради, молчаливая звезда французской эстрады, время от времени появляющаяся в популярных развлекательных программах.

А началось все без малого десять лет назад, когда родители, поаправшая артистические наклонности дочери, привели ее, тогда еще совсем девочку, на телевизионный конкурс «Школа фантазов». Случившийся случай не обошел ее стороной: Ванессе было 13 лет, когда она встретилась в студии фирмы грамзаписи «ЭМИ» с композитором Франком Лангольфом. Их совместная работа над широкой известной сегодня песней «Дюо-таксист» определила творческую судьбу Ванессы Паради.

— Дюо — не образ ли вашего отца? — спросила ее одноклассница. — В какой-то степени, — призналась она. — Мой отец из рабочей семьи. В 13 лет начал трудиться.

Сегодня он владелец небольшого предприятия и счастлив с моей мамой и моей маленькой сестричкой. Как и Дюо-таксист, он мечтатель, только с той разницей, что осуществляет свои мечты.

Творческой удачей для Ванессы стала ее работа с популярным потом, режиссером и актером Сержем Гэнзбуром, написавшим несколько песен для ее второго диска-гиганта.

Стремительное восхождение на эстрадный Олимп молодого певца со своим, только ей присущим стилем песенного исполнения вначале показало некоторым членам протестовским, недолгоочувствительным. Сдержанно восприняли ее также и в музыкальном мире, куда она столь стремительно ворвалась. Не удостоили ее внимания ни на одном из международных песенных фестивалей «МИДМ». Но Ванесса все-таки сумела проорвать эту пелену враждебности и отчужденности, заставив заговорить о себе.

Не проходит неделя, чтобы тот или иной журнал не поместил фотографии «маленькой стальной пташки», как ее величают (видимо, за твердость характера), или очередное с ней интервью. К многочисленным призам и наградам, отметившим ее песенное дарование, добавилась еще и престижная премия «Сезар» по разряду «Надежда французского кино» — за главную роль в фильме «Белая свадьба» Жан-Клода Брикса. Это пока единственная кинолента Ванессы Паради, ибо то, что пока предлагают режиссеры, ее не устраивает. «Даже если нужно будет ждать годы», — говорит она, — и поджидать той роли, которая меня действительно заинтересует». Да, она знает, чего хочет. «Ванесса» — она себя журналисты, обгваривая фамильным певцом, Паради по-французски зовут «рай».

«И не то, и не другое. Я как замелен, — признается она. — Когда у меня есть проблемы и я чувствую, что не могу с ними справиться, то окружающие это сразу замечают. Я никак не могу скрыть свои эмоции, и тогда, видимо, со мной, должно быть, очень тяжело...»

Она рено осознала, что не такая, как все ее сверстники. «Я люблю, когда мне говорят, что я исключительная натура, или, по крайней мере, я могу прочесть это в глазах», — призналась она в другом интервью.

Ванесса уже успела стойти от интересов и забот своих сверстников, которые еще, как она говорит, никогда не работали: «У нас реальные проблемы, я удаллилась от них и не знаю, чем они живут».

— Постарели ли вы за три года в шоу-бизнесе? — спросила ее.

— Нет, скорее, повзросела, — был ответ. — С некоторых пор я чувствую себя в роли мамы в доме.

А вот с чтением и любовью к драматической литературе Ванесса Паради дела обстоит невнятно.

— Читаю мало, в основном сценарии. Мое чтение — это по гримуажу музыка, с которой я общаюсь много часов в день. Приятно думать, что за мной обязательно читают, — говорит она, — но в моем случае к мне меня подталкивает скорее реальная жизнь.

Откровенное и прямое высказывание, собственное, пожалуй, незаурядной личности. Кстати, искренность и естественность — таксы для нее самые ценные качества в человеке.

Сегодня многочисленные поклонники кино даровали в ожидании ее выхода на сцену поговаривают, и довольно серьезно, что это событие может произойти в 1991 году. Но «маленькая стальная пташка» ничего не оставляет на волю случая. Она будет ждать момента, когда ощутит необходимую уверенность в себе, почувствует готовность выступить с наибольшим подъемом.

— Сейчас я боюсь и не чувствую себя готовой к этому. Потому и жду. Одно и знаю теперь: выберу маленький зал для более тесного контакта со зрителем.

Ну, а как же звукозапись, новые диски? В планах ли это Ванессы? — задают сегодня многие себе этот вопрос. На что она со свойственной ей чистосердечностью отвечает, что живет настоящим, ужасно боится заглядывать в будущее, не желая заранее знать, что с ней может произойти. Иногда, по ее словам, это дает хорошие результаты, предпринимает не ожидаемых сюрпризов. Главное же для нее — это то, что живет она по велению своего сердца и обычно не колеблется, принимая решения, тем более если они сулят немедленную выгоду. Так, не раздумывая, она приняла предложение сняться в рекламном ролике фирмы «Шанель», представляя ее новые духи «Кокон».

Итак, маленькая эстрадная звезда по имени Ванесса Паради по-прежнему ярко сияет. Омилблится, кто прочил ей судьбу метеорита. Она еще слишком молода, чтобы остановиться в поиске своего места на небосклоне современной французской песни.



Евгений ЛУКЬЯНОВ

Парк

На десятый звуковой дорожке слушайте песню «Вариации на одну и ту же тему» (Ф. Лангольф, С. Гэнзбур).

МАЛЕНЬКАЯ СТАЛЬНАЯ ПТАШКА

ЕДИН ВЕЗДЕМ
ЗАКРЫТЫМ.

Я как крупнейший специалист по юбилейным застольям, хочу предложить данное мероприятие в форму тоста.

Друзья! Разрешите поднять этот, в данном случае укоротительно-символический, бокал за неувыдаемое украшение нашей жизни — за Зеновию Гердта.

В эпоху повсеместной победы дилетантизма высокое проявление высокого профессионализма выглядит аркаичным и неправдоподобным. Гердт — воинствующий профессионал-универсал.

Я иногда думаю, наблюдая за ним: «Кем бы Гердт был, не ставь он артистом?» Не будь он артистом, он был бы гениальным плотником или муромом. Гердтовские руки, держащие рубанок или топор, — умелые, сильные, мужские (вобщем Гердт — в целом — очень похож на мужчину — археологическая редкость в наш инфантильный век). Красивые гердтовские руки — руки мастера, руки артиста. Мне всегда казалось, еще тогда, в театре у Оберцова, что я вижу осязав шарму

эти руки, слышавшие с кукол в единый живой организм.

Не будь он артистом, он был бы поэтом, потому что он не только глубокая поэтическая натура, он один из немногих знакомых мне людей, которые не учат стихов, а вливают их в себя как некий нектар (когда присутствуешь на импровизированном домашнем поэтическом джемсеишине — Александр Володур, Булат Окуджава, Михаил Козлов, Зеновия Гердт, — слышишь от белой зависти).

Не будь он артистом, он был бы замечательным эстрадным пародистом, тонким, добродушным, точным. Недаром из миллиона самок «дройнок» Леонид Утесов обожал Гердта.

Не будь он пародистом, он был бы певцом или музыкантом. Абсолютный слух, редкое вокальное чутье и музыкальная эрудиция дали бы нам своего Азизбура, с той только разницей, что у Гердта еще и хороший голос.

Не будь он музыкантом, он стал бы писателем или журналистом:

МАСТЕР
СВЕТЛОГО
ИСКУССТВА

На третий
звонкий драмрок
вы услышите
фрагмент записи
фильма «Костюмер».
Роль костюмера
Нормана исполняет
Зеновия Гердт,
роль актера,
стар Динна —
Виктор Давыдов.



Фото
В. ПЛОТНИКОВА

что бы ни писал Гердт — будь то эстрадный мекенг, которым он грешил в молодости, или журнальная статья, или текст для фильма, — это всегда индивидуальное, смело по жанровой стилистике.

Не будь он писателем, он мог бы стать великодушным телевизионным шоуменом — но, увы, уровень наших телешоу не позволяет пока привлечь Гердта в этом качестве на телеэкраны.

Не будь он шоуменом, он мог бы стать уникальным диктором-ведущим. Гердтовский закадровый голос — атлант этого, еще малоизученного, но, несомненно, традиционного вида искусства. Его голос не сплывал ни с каким другим по тембру, по интонации, по одному ему свойственной гердтовской иронии: будь то знаменитый мультфильм «12 стульев» или рассказ о жизни и бедах североморских котиков.

А как бы он танцевал, не случись эта беда — война.

Не будь он артистом... Но он Артист! Артист, Богом данный, и слова этому Богу, что при всех профессиональных «совмещенностях» бурной натуры ему (Богу) было угодно отдать Гердта Меллсмане и...

Диапазон Гердта-киноактера велик. Поднимаясь до чалгинских высот в водондском «Волшебнике» или достигая мощнейшей обобщения в ильфовском Панаковском, Гердт всегда грустен, грустен, и все тут, как бы ни было смешно все, что он делает. Тонкий вкус и высочайшая интеллектуальность, конечно, мешают его кинокарьере в нашем пол-мире, но попустилости он не жалеет. «Живой» театр поглотил Гердта сравнительно недавно, но поглотил до конца. Его костюмер в одиоменном спектакле — это чудеса филигранной актерской техники, бешеного ритма и такой речевой скорости, что думаешь — вот-вот устанет и придушит краску-плаву, чтобы взять дышанье, — не брал, неслась дальше, не пропуская при этом ни одного душевного поворота.

Гердт по-детски любознателен. Он любопытен к людям, он изучает новые «особи», они ему интересны, он страстно влюбляется, потом часто оставляет к буйной радости старую дружбу-реиница.

Нельзя желать Гердту творческих успехов — он воплощение успеха. Послеговато ратовать за вечную молодость — он похоже многих тридцатилетних. Надо пожелать нам всем помогать ему, не раздражать его, беречь его, чтобы он, не дай Бог, не ослепнул, разочаровавшись в нас, тех, ради которых он живет и творит. ■

Александр ШИРВИНЦ

НО ОН СТАЛ... ГЕРДТОМ



Из подготовленной к печати книги Евгения Петросяна

...**К**о мне вышел высокий, с мощным, выразительным лицом, голубоглазый человек и сказал тихим голосом: — Здравствуйте! Какой у вас жанр?

Он разговаривал со мной, как со взрослым артистом. Я не знал, какой у меня жанр, и, памятуя фразу моего трансформера — как талантливого трансформируется Райкин, ответил:

— Я трансформатор.
— Этот ответ выглядел весьма комичным, так как трансформаторы-артисты работают в цирке. Они с помощью ассистентов за секунды секунды меняют костюмы. Маслюков спросил:

— А где ваш реквизит и помощники?
— Реквизит мне не нужен, — сказал я, — в помощники у меня нет! Ни одна жилка не дрогнула на лице Маслюкова:

— Что ж... Интересно... Поищите, покажите мне, что вы можете.
Наверное, 30–40 минут я читал Леониду Семеновичу астральные тексты, он слушал внимательно, молчал. Не смеясь, как обыкновенные зрители, но я почувствовал — это потому, что передо мной профессионал. Маслюков сказал: «Придете послезавтра»...

На мой показ Леонид Семенович позвал главного режиссера ВКЮ В. Познанского, писателя Вл. Масса и М. Червешенского, В. Медведева.

— Что ты нам почитаешь?
— Фельетон «Человека забыли».
— Как?! Мой фельетон будешь читать?! — удивленно воскликнул Медведев.

— Это вы написали? — радостно спросил я. — Я не знал, я услышал когда-то этот фельетон в исполнении Гертаны Орлова и «сфототрировал» его!

— Как сфототрировал? Запомнил, что ли? Ну, что ж, показывай! Я читал серьезные и смешные, лирическое и героическое, о детях и взрослых. Они терпеливо слушали. Между моими выступлениями о чем-то шептались и опять слушали. Я не скрывал от них, что поступаю еще в астрально-цирковое. Слово взял Василий Васильевич Познанский: «Московская эстрада заинтересована в таких артистах. У вас намечается свой стиль. Поэтому мы можем сделать такой «социальный заказ» на ваш счет в ВТМЭИ или в ГУЦЭИ. Решим, а вы пока поступайте и туда тоже». Как и потом понял, для того чтобы меня «вспомнил» Маслюкову нужна была дополнительная единица, так как прием в студию формально закончился.

В ГУЦЭИ на втором туре предложили сделать этюды на тему

циркового представления. Вот где пригодятся мои детские забавы, когда я играл «в артистов цирка»! На третьем туре не обошлось без курьеза. Потом, как я узнал, комиссия долго решала: кого взять на последнее место — Романа Карцева или Евгения Петросяна.

■
— Женя, познакомьтесь, это ваш педагог по мастерству Рина Васильевна, может быть, вы ее знаете? Она — Зеленова.

Я полерянулся. С детства, наблюдая за актерами из артистского зала, моя фантазия строила их жизнь в особом измерении. Мне казалось, что особенно популярные актеры — это уже не совсем люди, они, наверное, не едят, как мы, не спят, не спят — они вроде святых духов, особые существа, озаренные высшим светом.

Теперь, наверное, нетрудно представить, что я ощутил, оказавшись перед Риной Васильевной Зеленовой.

— Ну, что ж... Выглядите вы неплохо... Однако вы просто невероятно молоды для профессиональной сцены.

— Уж пройдет, два вам слова!
— Уж кто-кто, а я об этом знаю лучше вас.

Я улыбнулся, понимая, что передо мной остроумная женщина, которая не боится пошутить даже над самым болезненным в жизни артистки — над возрастом.

— Почтайте мне что-нибудь, — предложила Рина Васильевна.

— Можно я прочту фельетон о молодежи?..

— Чей фельетон? Кто автор?

— Не знаю, не помню...

— Так не годится, что-то, а автора вы должны помнить обязательно. Он ведь трудился, и вы должны знать, чей это труд.

■

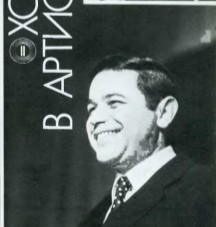
— Добрый вечер, здравствуйте! Так всегда выходит и говорит конференсье... Правда, я еще не настоящий конференсье, я только учусь... вот сегодня у меня практика...

— В жизни раз бывает 18 лет... Раз так называется программа, руководство решило, что конференсье должно быть ровно 18. А вот мне как раз 18. Мне и поручили роль конференсье. Правда, работа эта временная, как только мне стукнет 19, мне сразу — «будь здоров»!

Публика громко засмеялась, это меня очень воздвигло — я, кажется, не проваливался! Дальше речь шла о проблемах молодежи: о том, что перестали доверять молодежи, о взаимоотношениях отца и детей, о профессиях, об отходе, о женитбе, о мечтах и прочем...

— Сколько приходится слышать «из молодежи, да рваный», — смеялся

Фото Алексея ЛЯДОВА



ХОЧУ
= ХОЧУ
В АРТИСТЫ

какой молодой, а уже!.. А что «уже»? Любому академику или народному артисту было когда-то 18 лет. Правда, это не значит, что каждый восьмидецатилетний станет народным артистом или академиком... Но надеяться на это он может?

И он надеется. Вот сейчас выступит артистка Стрельченко, которая тоже надеется, что когда-нибудь и объявят: «Выступил народная артистка...» А что?... Может, когда-нибудь и она будет народной, и я... все так объявят...»

Публика продолжала смеяться и аплодировать, во мне вырос кураж, и объявил артистку и убежал, высоко подпрыгнув... В зале слыть засмеялся. А! Значит, прыжок понравился, надо зафиксировать... Я быстро переделал во время выступления пеленку и вышел уже в черном костюме, проносив: «Вот, для гранитной спецодежды выдана!»

В программе было много артистов, человек сорок, и каждого ждала своя судьба. Стрельченко действительно стала народной артисткой РСФСР, а кому-то пришлось уйти со сцены...

Алексей пришел за кулисы: — Подраливал В зале много актеров: Минаев, Бондарчуки, Бернес, Луцко, Луцкий. Вы им понравились? Но устали вы, перебрали вы с прыжками «колосом», у вас что — нет чувства меры? Нельзя же это делать после каждого номера. А за сам прыжок, как за импровизацию, жалко.

Резонанс от программы разразился. О нас писали газеты и журналы. Критики разбирали подробно достоинства и недостатки, что тоже учло определенному восприятию этого вида литературного творчества. Многие в те дни происходило в моей жизни впервые: прежде всего мы выступили после театра практически на всех «центральных площадках» Москвы.

В Доме кино сидела в зале «кинематографическая элита». Я решил сказать что-то, связанное с кино, и вспомнил режиссу Вентурядского: «...у нас самый культурный зритель в мире. Во всяком случае, на эстрадных концертах. В Большом театре или в Консерватории — не знают. Но элита...»

Подсчитали, что наш артист был в кино в 4 раза чаще, чем шед, и в 6 раз чаще, чем итальянец. Правда, злые языки объявляют это тем, что у нас идут итальянские фильмы, а у них — советские. Но это неверно. Есть ведь хорошие фильмы и наши... из Польской Народной Республики...»

Казалось, кинематографисты должны были на меня обидеться... Ан нет! Каждый из них привел это не на свой счет, и реприза имела оптимистичный успех! Качество

шутки подтвердило время — сам автор и сейчас с успехом исполняет его в концертах...

■ «Рина Васильевна сказала, — читаю в своем дневнике, — что я кинематомен, что кинематограф, наверное, обратит на меня внимание...» Увы и да!

И кинематографу было не до меня, и мне — не до него. Хотя одна забавная история приключилась в начале восьмидесятых. Мне позвонили с «Ленфильма» и предложили попробовать в роли Бони в кинофильме «Сильва» режиссера Я. Фрида по сценарию М. Мизина. Помощник режиссера уговаривала, и согласился прокатиться в Ленинград на фотопробы, хорошо понимая, что «обожалка» меня может любым известным артист кино.

— Обожалка, молодой человек, — сказал Ян Борисович Фрид — мне нужна неожиданная краска, вы веселый артист, да и целуйте вам к лицу! Чем не Бони? Полагаю, у вас главные шансы. Я приехал второй раз на «Ленфильм» — уже на пробы, предварительные дубляжи фонограммы арии Бони, записанные на пленку. Долго репетировал — учился открывать рот «смертеном» под эти самые записи. Утром я должен был готовить тираж со Стасис.

Спрашивая балетмейстера: — Почему Стасис такая «грустная»?

— Это оперная певица, которая записала великолепную фонограмму для фильма... Ну, чтобы не обожалка же, мы должны устроить ей хотя бы кинофильм... Но ведь и оказалась в невыгодном положении — она не драматическая актриса!..

— Ничего, ничего! Я сам сейчас раскрою маленький секрет... До вас пробовался Виталий Соломин, он в конце танца брал на руки актрису и красиво кружил с ней. Фриду это очень понравилось. Вы должны сделать то же самое!

— Да при чем здесь «красиво кружил»? Мы должны прежде всего войти в актерский контакт...

— Текст она знает...

— При чем здесь текст? Я уже не говорю о том, что Соломин поднимал более изрядно Стасиса, а не знавала кружабарными переносками вертеть...

— Я вам хочу только хорошего, — настаивал балетмейстер, — давайте попробуем.

Мы быстро стретировали танец и приступили к подтию танцев. Что-то у меня не получалось, мне пришлось поднимать растерзанную женщину раз десять. И вдруг... что-то у меня в голосовнике хрустнуло! Ахская боль перерывала дыхание. У меня наследственное искривление позвоночника, поэтому боли в этой области мне знакомы.

но такой я никогда не ощущал! В этом состоянии меня загипнотизовали, одели и вывели на сценическую площадку. Чувствую — не могу, задыхаюсь и очень больно, ложусь на спину — боль немного проходит.

— Дайте мне отлежаться часик, я соберусь с силами, поставьте пока свет и прощай, чтоб я потом не ждал вас, и не смогу долго стоять... — молно я режиссера.

— Женюха, павильон не может простоять долго, это стоит денег, поставьтесь прийти в себя через 15 минут!

Через 15 минут: «Мы не можем ждать!»

— Ну, хорошо, — крикнул я еще лежа, — все по местам, и сейчас постою... попробуем, что получится...»

Я собрался со всеми силами и вспомнил о мальчишеском «если бы». «Если бы я был сейчас здоров, если я граф Бони Кониславу — жизнелюбивый человек, злободневный в эту совершенно очаровательную женщину, если избыток энергии меня раздражает на чистик... Вперед! Вот оно!» И я все сыграл с куражом, чисто, по возможности злорадно, не забывая и о юморе. Я сейчас оцениваю ситуацию с точки зрения законченности речитатива сцены, но, разумеется, о качестве не мне судить.

— Прекрасно! — закричали режиссер и оператор. — Пашем вторую дубль без остановки!

Как вторая дубль? Почему без остановки? Я уже «выступил паром» уже вертелся боль и не хватало дыхания...

— Съемка! — командует режиссер, и я играю второй дубль, естественно, в «полночь», задыхаясь и даже уже не попадая в фонограмму, да и партнерша в диалог вступает в оперной манере, нарочито противящая слышим!

Я как похож на воздушный шарик, из которого вылетели воздух.

— Но и чего-то! — кричу я. — У вас есть первый дубль!

Как я был наивен... По секрету кто-то мне потом уже донес, что первый дубль не снимали, а только делали вид — «престрелившийся» аккомпанил пленку.

— Все прошло, — сказал я себе — буду играть Соломин. Так и получилось.

Может, он и к лучшему. Жаль, пленка не сохранилась. Я просил на «Ленфильме» — выдать не могли, так как пленка подготовлена, но потом короткое время, ее списали и, видимо, сожгли. Мне не удалось изменить страду с кинематографией — не судьба. ■

Об единственной звуковой дорожке — юбилей С. Кондратьева «По всем приметам» в исполнении народного артиста РСФСР Е. Петраски.

■ За двумя партиями поборники, на и одной не простояла.

■ Дождал, что уже и правда голая.

■ Каждый нормальный человек встает о бешеных деньгах.

■ По лозунгам на душу населения с нами никто не сравнится.

■ Решил идти в светлое будущее, а там светло будет.

■ Гласность — не порок!

■ Если посуду бытает и есть где купить новую, то это на счастье.

■ Ты уже добился, что дети тек, это обещал, уже больше не будешь жить при коммунизме.

■ Если бюрократ съел в своем деле собаку, то есть он каждый день и балки, и озонники сосиски, и красную черту.

■ Считаю ворон удобные с компьютером.

СВОЕ-ВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

■ Лучшее сидеть в небе, чем журавль в Красной книге!

■ Не за страх, а за Советы.

■ Молодым звездам нас дорого.

■ Не в службу, а в дружбу — смотришь, уже генерал.

■ Чем больше наших соотечественников эмигрирует на Запад, тем актуальнее лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

■ Это какой же нужен Госплан, чтобы подсчитать, сколько выпустить товаров, чтобы их на всех не хватало.

■ Парадокс: партии все больше, партии все меньше.

■ Как только электорифицировали страну, сразу стало ясно, что не видать нам светлого будущего.

Владимир ПОЛИЩУК
г. Киреевград

Было время, когда считалось, что истинно песенная строка должна быть услышана — подслушана в тузе жизни. Именно тогда будущие классики авторской песни отравлялись «за туманом и за запахом тайги». И до нынешней поры они знамениты — и словом своим, и аккордом, и «многоступенчатой биографией».

Пришли иные времена. «Новая волна» бардов демократизма, погруженные в себя, больше размышляет над жизнью, чем действует (если, конечно, считать «деятельным» поэта и композитора участие в строевые венки или «главный вклад» в интернациональную поэмку).

Юрий Лаврушин — из «новой волны». Он видимо, впервые дает интервью. Молит лоб, с трудом всовывая сорудные факты, украшающие прошлые годы... Московский мальчик из «хорошей семьи», не так чтобы уж очень «горел» в школе, вуче, то на одной, то на другой работе. Нет, его нискогда не отчислили, не выгнали. Уходил сам. Уходил в себя. К письменному столу.

Писать и слушать. Слушать и писать.

По мнению поэта Владимира Соколова (именно на его стихи написано большинство песен Лаврушина), у него несомненно дар слышать мелодию чужой строки: «Я не раз на протяжении жизни слышал песни на свои стихи», — говорит Владимир Николаевич, — и каждый раз, за редчайшим исключением,

музыка не совпадала с той, что звучала во мне. Я не узнавал, просто не узнавал свои стихи. А вот здесь произошло узнавание. Это меня в Юре и поразило — умение извлечь из текста и подтекста музыку».

А кто же говорит о себе сам Лаврушин: «Стихи — не песен у меня нет. Если стихотворение закончено, то оно обязательно станет песней. Для небольшой аудитории. Для узкого круга. Для меня одного. Но песней... Люди устали от громких слов, от неправотных текстов, от примитивной музыки. Нужна высокая поэзия, такая, как у Владимира Соколова. Нужна просто хорошая поэзия, такая, как у Ирины Пляшневской...»

Юрий Лаврушин учился в Полиграфическом институте, работал в Московском, в строительных организациях. Говорит, что безработицы не боится, ибо много чего умеет делать — шить, мастерить, ремонтировать (от маленькой аэмогалки до квартиры). В общем, знает и любит любую работу. Но чтобы бездельничать...

Три его песни — перед вами. Мне омиравятся. ■

Ирина БЕДЕРОВА

На шестой звуковой дорожке — песня «Как будто не было зимы» (стихи В. Соколова), «Без названия» (стихи и музыка Ю. Лаврушина), «На кровях скошенной травы» (стихи И. Пляшневской).



Кругозор
9 (330) сентября 1991 г.
Год издания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСТЕЛЕРАДИО
1991 г.

На первой странице обложки — А. В. Рудков с синим фото
Алексей Лидова

Пластинки изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи «Мелодия» и ГРС. Кассеты тиражированы СП «Интерпла».

Сдано в набор 14.07.91 г.
Формат 84 x 108мм.
Булет оброенная.
Объемная печать.
Усл. л. 1,58.
Уч.-изд. 3,50.
Усл. кр.-от. 6,30.
Тираж с пластинками 100 000 экз.
Тираж с кассетами 10 000 экз.
Зак. 739
Цена 2 р. 30 к.
(с пластинками)

ПО КРОВИ СКОШЕННОЙ ТРАВЫ.



АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ

типография
издательство
«Грань»
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Прованс», 24.
Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25.
«Кругозор».
Телефон редакции:
241-67-67.
Главный редактор
Б. М. ХЕССИН.
Редакционная коллегия:
Б. М. ВИНКУРСОВ,
М. А. ЗАХАРОВ,
С. Г. КАПИЦА,
А. Г. ЛУЦКИЙ,
О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУЛС,
Т. С. ПЛЯШЕВСКАЯ,
Ю. М. ПОЛЮЖКОВ,
М. М. РОДИН,
Н. В. ШУЧКИН,
А. Я. ШИПАЙ.
Телеграфический редактор
Л. Е. Петрова.

Я его знаю, кажется, всю сознательною жизнью — это как зритель. Меня еще не было на свете, а бывший многократный чемпион страны по фехтованию Владимир Балон стоял на стеночной площадке трюки в легкой гимнастической «Гусарской балладе». Когда на экране мылиш «Морские рассказы», где Балон сыграл интеллигентного красавца старпомом, я уже свободно разговаривал и даже пытался читать. А во времена «Чертовой долины», в которой Балон в роли отца Валюша даже дрыгал, прованжиков шпашей, и фильма «С несельем и отцами», где он предстал элегантно бандитом в белой ветровке — и, конечно, был поставщиком всех идиш с драками, — я уже был школьником и узнал бал Валюша среди тысяч других. А если добавить, что он играл в Жаоссиа и «Трех мушкетерах» и элэющего кривоного Жака в «Гардемаринах», то теперь это, конечно, сразу припомнит каждый, кто хотя бы изредка включает телевизор.

При всем своем обаянии Балон, как ни странно, играет чаще всего отрицательные персонажи. И, стало быть, непременно терпит поражение от положительных героев. Самого Балона это ничуть не задает, а я, признаюсь, часто по этому поводу отворачивал: мне казалось, что ему достаточно прожить или повернуться, сделать какое-то движение и кадр — и все сразу увидит, что Балон сильнее, быстрее главного героя. Впрочем, я могу быть пристрастен к кумиру своего детства.

Над ним, кажется, и время не властно — на свои шестидесят восемь он, наверное, будет выглядеть лет через двадцать. Встает из-за стола, плотный, подтянутый, с густой русой гривой, только устал совсем больше, и протряхивает руку, которую пожимает с изумительным жестом. А глаза — светлые, спокойные и слегка уставшие.

Маз сидит в его мифологизированной рабочей комнате, пьем крепкой чай из гигантских керамических посуды, и он рассказывает не спеша, а я слушаю и молчу на шпенку.

...Как попал в кино? Еще буд спортивным, когда в середине пятидесятых принимал участие в съемках фильма «Пять дней». Потом еще пара картин на «Ленфильме» — я тогда в Ленинграде жил. А когда Рязанов пригласил на съемки «Гусарской баллады», — конечно, в меня охотней вступил. Когда меня стали снимать как актера, жена заверяла меня — одной актрисе и даже хватает. Она была первой солисткой в ансамбле Моссовета. Сейчас она на пенсии, а я все снимаюсь.

Что главное для каскадера? Заработать, потому что ему платят гроши, и реализоваться, показать в кадре, на что он способен. Обо всей картине каскадер, естественно, не думает. И начинается на съемках полет фантазии: в кадре — девочка-героиня, она идет и спотыкается. Как, почему? Каскадер — тут как тут. Он там дом ремонтирует, он весь в лесах строительных. Давайте так: я отступлю, лечу вниз, проламывая эти леса, и падаю вот сюда, перед девочкой. Она не мене оглядывается и отступает. Смешно? Грустно, потому что каскадер ведь тоже участник съемки, он тоже делает кадры, но взаимодружия нет: он не думает о фильме, а создатели фильма не думают о нем.

На Западе трюки — целая индустрия, и постановщик трюков работает над картиной с самого начала — с написания сценария. А у нас как? В сценарии пишется — кадр такой-то, званилась жистоккая драка. Декорации поставят или натуре выберут по режиссерскому вкусу, как ему нравится. А потом приходим мы на площадку, и оказывается, что она неудобна для того, чтобы поставить красивый планчик или эффектную драку. Оператор ни на шаг не двинется — у него свои задумки. А мы фехтуем и руки не можем разогнуть. Кто от этого страдает? Да картина в первую очередь!

Я против натурализма в кино. Не люблю, когда много крови, когда

Балон в фильме «Визит герцога»

Фото И. НАСЕДКИНА



снимки. Этого и в жизни хватает. Отрицательный заряд злости стабилизирует, а положительных эмоций не хватает — и кино в этом может здорово помочь. И должно помогать, я считаю.

Каскадерные школы, которые у нас существуют, — это чистой воды профанация. Такая школа должна быть во ВГИКе. Каскадер — киношная профессия, и пусть на него ребята учатся вместе с остальными студентами, общаются со сценаристами, режиссерами, актерами. Немного, кроме письма, кинематографу это не принесет. Каскадер, дублируя актера, выполняя за него трюк, должен перенять его пластику, а это уже актерское мастерство. А те ребята, которые приходят к нам из этих школ, все делают на пол-киношного. Падают, скажем, с какой-то высоты и норовят при этом ступни держать по-спортивному. Ты неловко упади, размахивая руками, а ступни уложи в последний момент и не разбейся — вот тогда ты каскадер. И сценаристы должны знать нас поближе, и режиссеры... Да об этом долго можно говорить.

Бывают постановщики, которые при исполнении трюка кричат: «Отойдите все! Тут высота столько-то метров!» Значит? Все нервируют, и исполнитель напрягается — и в самом деле до беды недалеко. Я стараюсь быть невозмутимым, и, бываю, удается свое спокойствие передать окружающим. Спокойствие, нормальная рабочая атмосфера, когда никто не дергается, не «вибрирует», — это очень важно для успеха.

Почему я такой спокойный? Я ведь из большого спорта пришел и там такого посмотрел, что для меня все эти киношные конфликты — все равно, что мышьяк возни. Преодолеть их не так уж сложно.

Да, конечно, опасная профессия, какой-то элемент риска всегда есть. Но он не так велик, если четко представляешь свои возможности. Сам я серьезных травм не получал — как-то удавалось этого избежать.

Проблемы уюда пока не существуют. Как только я почувствую, что поставил трюка слабо, что не могу ничего нового придумать, что становлюсь не нужен режиссеру, я уйду сам сразу же. Но пока я еще много чего могу показать...

Слушать его можно бесконечно, но надо все-таки и совести иметь. Я некогда закрыла за собой застекленную дверь и впералось в желто-серую пытающую мифологического ксерипера, где-то в глубине души надеюсь на этот раз не заблудиться. Но даже если это и произойдет, я молниеносно даю себе клетку держаться так же достойно и невозмутимо, как Балон.

Владимир МАРТЫНОВ



На этой странице — интервью каскадера В. Балона рассказывает о своей профессии. А в статье Балон мы расскажем об актере С. Житниве.

ЖИТЬ НЕ МОЖЕМ ИНАЧЕ

ПОЛНОЦЕННЫЙ ПРЕСОНАЖ

«Смоки» в городе! Эта весть облетела столицу с быстротой молнии и вызвала самые разные чувства у старых и новых поклонников знаменитой английской группы. Соросадетием ностальгически вспоминали, вспоминая свою юность и популярные песни «Смоки», которые переписывали с кассет друг у друга, не мечтая о встрече со своим кумиром.

«Мы наше искусство», — строго говорили тебе и даже из лютых райков о «Смоках», «Битлах» и прочих «их группах», глетварно вливающих на умы молодежи. Нынешние молодые фаны «Смоков» радовались, что еще однажды, пусть несколько и потускневшая от времени, звезда рок-музыки пришла к нам.

Сюрпризы оправдались, и хотя зал «Олимпийский», где выступали в Москве гости из Великобритании, был не полностью заполнен (сегодня публика вообще плохо ходит на любые зрелища), все-таки каждый вечер наряду на концертах было много. Зрители насладились неувядаемым искусством «Смоков».

К своему совершеннолетию (в Англии это 21 год) группа выпустила рекламный буклет, в котором — все о «Смоках». Предлагаем кратко биографические сведения о звездах мировой рок-музыки из этого буклета.

Татьяна БУТКОВСКАЯ

ПОСЛЕ ГАСТРОЛЕЙ

12

Сохранить стиль рок-ролла — достижение. Быть звездой Европейского хит-парада на протяжении 20 лет — фантастично. Но остался молодым, любимым, верным своему делу, полным свежести и оптимизма — чудо! Слово «чудо» как нельзя лучше подходит к группе «Смоки». Основатели группы Терри Атлей, Алан Силсон, Крис Норман — из Западного Йоркшира. Учились вместе в школе.

С аппаратурой, купленной на средства спонсора «Радио-1», ребята очень скоро выпустили свой диск на РСА под названием «Свет любви». Потом были записки в студии «Дюкс», которые в конечном счете ни к чему не привели.

В 1973 году начались скитания с разными солистами по Соединенному Королевству, и только в 1974 году был подписан контракт с новой группой, которая уже называлась «Смоки». И первый же концерт был запрещен «Радио-1», так как их композиция напоминала эфирно после принятия дозы наркотиков.



Долго путь «Смоков» на вершину музыкального Олимпа. Только после композиции «Если ты дуришь, что знаешь, как любить меня» они, наконец, завоевали популярность в Соединенном Королевстве. Пластинка разошлась миллионным тиражом. Третий альбом открыл новую полосу в жизни группы. «Смоки» в составе Криса Терри, Алана и Пити Сленсера на удивление 5 лет гастролируют по всему. Известность их растет. Они становятся обладателями серебряных, золотых и платиновых дисков.

Решение о том, чтобы расстаться, музыканты приняли в самолете на пути в Швецию, куда летели на запись с одной из солисток группы «АББА». Крис выбрал сольную карьеру. Терри играл в разных группах. Пит начал снова писать песни, а Алан вернулся домой и стал дожидаться телефонного звонка, по которому группа вновь соберется. А когда он раздался, Алан сказал: «Какие прекрасные были моменты!».

И снова они в пути — Австрия, Германия, Швейцария. Успех небывалый, но Крис Норман недоволен. Данное обещание, что уедет из группы, Алан и Терри помнили, что «Смоки» без Нормана не могут успешно выступать. И Крис предлагает решение проблемы. У него есть друг Алан Бартон, он известный вокалист.

Через несколько недель в доме Терри состоялась вечеринка, на которой Норман вместе с Бартоном спели дуэтом несколько песен. То, что услышали Алан и Терри, в полной мере подошло группе, и поэтому они предложили Бартону роль ведущего вокалиста.

Итак, родилась новая группа «Смоки»: Алан Бартон (ведущий вокалист, ритм-гитарист), Алан Силсон (соло-гитарист, вокал), Терри Атлей (бас-гитарист, вокал), Мартин Буллрад (клавишные), Стив Пеннелл (ударные инструменты).

В 1989 году, после выхода альбома «Бульвар несбывших надежд», «Смоки» достигли своего пика. В хит-парадах Норвегии альбом занимал первое место в течение 10 недель.

В прошлом году группа, отметив свой юбилей, выпускает новый альбом — «Мы эти боги!».

Сегодня «Смоки» — это рок, в котором сочетаются традиционность, гармония и электронные инновации, это песни, которые вам надолго запомнятся.

Перевел Олег ЛЕБЕДЕВ

На дискотеку звуковой дорожке — песни, посвященные славу «Смоки»: Во беседах с Элис - и «0.Кэрал Чамп, Чамп».

Фото Алексея ЛИДОВА